

Культура Алтайского края

№ 02 | июнь | 2019

Иван Быков. Юный Лувсан. 2018. Литография

стр. 05

Тему помощи Монголии СССР в Великой Отечественной войне Иван исследует с 2013 года. Сначала это были карандашные рисунки и небольшая инсталляция, теперь работы выполнены с помощью литографии, гравюры на камне. Многолетняя работа принесла Ивану Быкову звание лауреата в номинации «Печатная графика», и это уникальный случай для Барнаула. Обычно эту премию забирает Красноярск, единственный город в Сибири, где обучают гравюре в вузе.

Лидия Рыжова

В номере:

СОБЫТИЯ. ЛИЦА

- 2 *Лидия Рыжова.*
**Праздник, который
остается с нами**
- 6 *Евгений Пешков.*
**Сказки для Ангелов
под тихую мелодию
счастья**
- 8 *Наталья Царёва.*
Подарки академиков

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

- 10 *Алина Голято.*
**Портретное
творчество
молодых иркутских
художников**

СЛОВО

- 14 **Книжный инстинкт**
Дмитрий Марьин
о книге Рудольфа Камелина
«Юные годы ботаника
в Средней Азии»

ТЕАТР

- 16 *Юлия Плотникова.*
Мюзиклы, оперы
- 20 *Елена Огнева.*
**Леонид Двоеглазов:
«Профессия актера
бесконечна»**
- 24 *Елена Сафронова.*
**Достоевский
и сытый зритель**
- 26 *Ольга Скубач.*
**Эрдман, бабушки –
старушки**
- 27 *Лариса Вигандт.*
Уютный бенефис
- 28 *Елена Кожевникова.*
**«Я сыграл то,
что хотел»**
- 32 *Лариса Вигандт.*
**Смысловые
гвозди —
у всякого свои**

НАСЛЕДИЕ

- 36 *Дарья Полякова.*
**Театральные
мемуары**
- 40 *Елена Клишина.*
**Дом Топорова —
Афонина**
- 42 *Данил Дегтярев,
Евгений Клепиков.*
**Тайны кованых
оград**

МУЗЫКА

- 44 *Олег Ковалёв.*
**Уверенно, сочно,
страстно**
- 48 *Надежда Гончарова.*
**Лабиринты
скрипичного
ключа**
- 52 *Михаил Гундарин.*
Пачка сигарет.
Рассказ
- 54 *Елена Усынина.*
**Сказ про царя
Матвея**

№ 2 (34),
июнь 2019
(журнал выходит
поквартально)

Учредитель журнала:
Краевое государственное
бюджетное учреждение
«Алтайская краевая
универсальная научная
библиотека имени
В.Я. Шишкова».
Выпускается при поддержке
Правительства Алтайского
края и Министерства
культуры Алтайского края

**Адрес редакции
и издателя:**
656038, Алтайский край,
г. Барнаул, ул. Молодежная, д. 5
тел.: (3852) 50-66-28
e-mail: ak.culture@mail.ru

**Редакционный
совет:**
Безрукова Е.Е.
(председатель совета)
Быков И.А.
Вигандт Л.А.
(главный редактор)
Замятина Г.А.
Ковалёв О.А.
Марьин Д.В.
Огнева Е.В.
Царёва Н.С.

Дизайн-макет — Шелепов А.Н.

Дизайн, верстка — Карпов А.А.
Корректор — Сигарева М.В.

На первой странице обложки:
Андрей Машанов. Похищение
Европы. 2010. Бумага, офорт,
акварель, золото

Адрес типографии:
ООО «А 1»
656049, Алтайский край,
г. Барнаул, ул. Папанинцев, 106А
тел.: (3852) 24-59-36
e-mail: europrint@list.ru

Издание зарегистрировано
в управлении Федеральной
службы по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций по Алтайскому краю
и Республике Алтай

**Свидетельство
о регистрации:**
ПИ №ТУ22 — 00560
От 18 июня 2015 года

Тираж:
2000 экземпляров

Дата выхода в свет:
24.06.2019

Журнал распространяется
бесплатно.
Мнение редакции может
не совпадать с мнением авторов

Девятая межрегиональная молодежная художественная выставка «Аз. Арт. Сибирь — 2019» объединила 15 экспозиционных площадок Барнаула и более 250 авторов со всей Сибири: живописцев, графиков, скульпторов и мастеров декоративно-прикладного искусства

*Анастасия Ижганайтене. Иркутская область. Сад орхидей. 2018. Холст, масло. 120x130.
Диплом 1-й степени в номинации «Станковая живопись»*

Праздник, который остается с нами

текст **Лидия Рыжова**

Первая выставка под названием «Аз. Арт» открылась в 2005 году. В проекте приняли участие пять сибирских регионов, было экспонировано 140 работ. С тех пор многое изменилось: проект охватил все регионы

Сибири, программа дополнилась конференцией и внеконкурсными экспозициями. Неизбежно рост проекта привел к новым трудностям. Выставочные пространства перестали вмещать конкурсные работы, а навигация

по событиям параллельной программы усложнилась, зритель не воспринимал множество выставок как единое целое. Победа проекта в конкурсе Фонда президентских грантов помогла решить эти и другие проблемы.

Дополнительные средства позволили вдвое увеличить выставочное пространство музея «Город», который сумел разместить на своих площадках все конкурсные работы. Новое визуальное оформление проекта (красно-бело-черное, в духе супрематизма Казимира Малевича) объединило все материалы о выставке, от уличных баннеров до программки. Экспозицию «Аз. Арта» можно было мгновенно узнать по любой зрительской фотографии: цвет стен и оформление залов также было подчинено дизайн-коду.

При чем здесь супрематизм и Малевич? Кроме «Черного квадрата», этот художник знаменит своими новаторскими идеями в организации творческих сообществ. Новый мир, считал Малевич, требует нового искусства, а оно невозможно в старых, дореволюционных условиях. Поэтому он поддерживал новые формы объединения художников, свежие идеи в музейной науке, педагогике, и, по сути, именно он подготовил основу для появления такой организации, как Союз художников.

Конкурсные выставки «Аз. Арта», пусть и кажутся на первый взгляд пестрыми и разнообразными, позволяют увидеть общие тенденции в молодежном искусстве Сибири. В своей статье 2017 года искусствовед Лукия Мурина одной из таких тенденций назвала монументальность, крупный формат живописных произведений. Художники не просто выбирают для работы холст побольше, они заимствуют стилевые особенности оформления фасадов зданий, мозаик и граффити. Самый яркий пример этой тенденции на «Аз. Арт. Сибирь — 2019» — полиптих «Малибу» Светланы Соловьёвой. Четыре метра шириной, работа скомпонована как коллаж на тему последствий глобального потепления. Добавив сплошные заливки цветом и геометрические акценты, художница стилизовала композицию под мурал, будто планировала эту работу однажды перенести на уличную стену.

Стремление к «большому формату» разделяют и другие призеры биеннале. Иркутская художница Анастасия Ижганайтене неспроста кладет мазки краски на свои работы, как кусочки слюды на мозаику, ведь она — выпускница кафедры монументально-декоративной живописи ИрНИТУ. Такая манера вместе с использованием больших заливок одним цветом характерна для иркутян (Ольга Дорохина, Глеб Иванов). Если мозаика требует времени, художники-граффитисты, наоборот, создают свои работы быстро и экспрессивно. Авторы, пришедшие к станковой картине из уличного искусства, используют в своих работах баллончики с краской, как, например, Данила Апанасов из Кемерова.

В крупном формате, но более традиционно работает барнаульская художница Алена Наволокина, дипломант выставки третьей степени. «Аз. Арт», будучи алтайским проектом, поддерживает реалистическую традицию в молодой живописи. Специальные награды от комитета по культуре города Барнаула и поощрительные дипломы получили Иван Торопов и Анна Фомина, члены Объединения художников-реалистов Алтая, а также Антон Кондаков. Последний практически ежегодно открывает новые персональные выставки, где большая часть работ выполнена в жанре пейзажа.

Отдельно стоит отметить художников из Томска Константина Вагина и Александра Ломаева, а также всех, кто обращается в своих работах к теме деревянного зодчества и архитектуре. Проблема сохранения

Александр Кольхалов. Алтайский край. **Жатва.**
Из серии «Сельские мотивы». 2018. Холст, масло. 45x85.
Благодарность комитета по культуре г. Барнаула

Ирина Рудая. Красноярский край. **Внутри.** 2019.
Глина, шмот, глазурь, ручное формование.
Лауреат в номинации «Декоративное искусство»

Юрий Гребенщиков. Алтайский край. **Почти забытый мир.**
Часть триптиха. 2019. Бумага, гелевая ручка, маркер. 100x100.
Диплом 1-й степени в номинации «Уникальная графика»

культурного наследия в регионах стоит очень остро, памятники разрушаются и временем, и человеком. Тем важнее интерес художников к этой теме, пусть и, вероятно, чисто эстетический.

Сгруппировать работы в номинациях «Скульптура» и «Декоративное искусство» довольно сложно. Разнообразие и сложность техник, использованных

Денис Михайлов. Новосибирская область.
Покоритель морских глубин. 2018. Пластик. 15x10x36.
Лауреат в номинации «Скульптура».
Благодарность ВТОО СХР

художниками, отличает нынешний «Аз. Арт». Художники из Омска Антон Козлов и Павел Сухарев продемонстрировали мастерское владение разными типами мозаик, а также умение выразить тему работы через сам материал. Павел Сухарев создает изображения насекомых из янтаря, а Антон Козлов дополняет работу «Память эпохи» граненым стаканом, который для русского человека стал своего рода ритуальным предметом. Наглядно тему тления и разрушения поднимает в своей работе «Время» Ольга Зюзина из Красноярска, обнажая части каркаса скульптуры.

Выставка выявила две крупные тенденции в творчестве молодых графиков. Первая — интерес к образу русской деревни. Покосившиеся заборы и деревянные дома встречаются во многих работах, но глубже других раскрывает тему барнаулец Юрий Гребенщиков. Его масштабный триптих «Почти забытый мир» детально воспроизводит сельскую жизнь: на веревках сушится белье, по дорожкам разгуливает скот, повсюду лежат инструменты и утварь. Однако нигде нет людей. Гребенщиков использует наивную манеру для изображения животных, тем самым подчеркивая, что образ деревни — это воспоминания художника из детства и что сейчас сельский уклад жизни постепенно исчезает.

Похожим образом изображает деревню Николай Давыдов из Омска. В его работах «Деревенский ритм» засыпанные снегом дома выглядят еще более заброшенными и безлюдными. Ощущения затерянности, запущенности, пустоты усиливает манера изображения, нарочито небрежная. Использование художниками хаотичных штрихов отличается от тенденции прошлых лет, когда авторы (особенно барнаульские) предпочитали создавать подробные фотореалистичные изображения карандашом. Кроме Николая Давыдова, этим приемом пользуются дипломанты выставки из Иркутска Анастасия Свинаярева и Сергей Жгилев. Работы Сергея раскрываются зрителю не сразу: сначала видны лишь хаотичные пятна и штрихи, чуть позже — птица. И здесь не обходится без деревенской темы: на спине птицы, как у сказочного Чуда-юда, стоит целый поселок.

Другая тенденция в графике связана с интересом художников к этнической культуре разных народов, к их орнаменту, писанице. Очень изобретательно к этой теме подходят художники из Республики Хакасия Владимир

Светлана Соловьёва. Новосибирская область. **Малибу.** Полиптих. 2019.
Холст, масло. 170x200, 100x120, 70x120, 150x110.
Лауреат в номинации «Станковая живопись»

Иван Мозговой. Алтайский край. *Хтонический монстр леса*. Из серии «Чудо-юдо рыба-кит». 2018–2019. Комбинаторная скульптура. Плавун, валежник тонированный. 160x200x35

Агеев и Татьяна Петерсон, оба они стали дипломантами в номинации «Печатная графика». Владимир Агеев создал сложную орнаментальную композицию с помощью одинаковых сегментов в диптихе «В круге жизни». В нем можно найти символические изображения животных, жилища, людей и солнца, и каждый из них — неотъемлемая часть целого. Татьяна Петерсон использует элементы наскальной живописи иначе, свободнее. Вокруг камней с петроглифами на листах серии «Хакасия. Разговор через время» растет трава и летают птицы. Один и тот же штамп с птицей или камнем может быть отпечатан на листе несколько раз, но благодаря продуманной композиции это выглядит уместно и гармонично.

К мифологии, преданиям и традиционной культуре разных народов так или иначе обращаются и другие авторы: барнаулец Иван Шаповаленко создает композиции со скандинавской символикой, Елена Измestьева из Читы работает в духе эстетики сказочных иллюстраций Ивана Билибина. Выпадает из этой тенденции Валентина Дерезанова, дипломант второй степени из Иркутска. В работе «Навстречу ветру» она рассказывает нам о жизни народов Монголии без многозначительных визуальных цитат. Художница пишет портреты местных жителей, их емкий образ виртуозно создается за счет свободного штриха и минимума цветов.

Ранее конкурс в номинации «Искусствоведение» проходил в закрытом режиме. Тексты читались только членами жюри, а зрители могли ознакомиться только со статьями победителя в журнале «Культура Алтайского края» уже после выставки. В этом году конкурсные тексты молодых искусствоведов можно было прочесть в выставочном зале на центральной ротонде. Приятно, что большинство участников и победителей родом из Алтайского края, а тексты всех дипломантов так или иначе посвящены молодому искусству.

Параллельная программа «Аз. Арта» на этот раз была как никогда широкой. Двое конкурсантов из Барнаула

воспользовались ею, чтобы подробнее рассказать о своем творчестве. Скульптор и график Иван Мозговой принял участие в совместной выставке со своим отцом, Сергеем Мозговым. Их проект «Созвучие творческих поисков» в павильоне «Открытое небо» стал одним из самых обсуждаемых среди внеконкурсных выставок. Ремесленная сторона, изобретательность в обращении с металлом и деревом по-настоящему удивляет. В своих конкурсных скульптурах Иван Мозговой заставляет особенности материала работать на самый художественный образ: так грузная рыба-кит собрана из грубых деревянных брусков, а колючий рыбий скелет сделан из тонких веток.

Несколько литографий Ивана Быкова из конкурсной экспозиции являются частью проекта «Большой Алтай», который полностью был показан в рамках параллельной программы в библиотеке имени В.Я. Шишкова. Тему помощи Монголии СССР в Великой Отечественной войне Иван исследует с 2013 года. Сначала это были карандашные рисунки и небольшая инсталляция, теперь работы выполнены с помощью литографии, гравюры на камне. Многолетняя работа принесла Ивану Быкову звание лауреата в номинации «Печатная графика», и это уникальный случай для Барнаула. Обычно эту премию забирает Красноярск, единственный город в Сибири, где обучают гравюре в вузе.

Сегодня любой проект в формате биеннале — это праздник искусства, фестиваль, предлагающий зрителям разные варианты досуга. Нынешний «Аз. Арт» пошел по этому пути: программа выставки дополнилась дискуссиями, мастер-классами и даже театральной постановкой. Часто праздники после своего завершения оставляют чувство пустоты, когда приходит время возвращаться к будням. В нашем случае это не так. Выставочный зал музея «Город» значительно изменился, а конкурсные работы лауреатов выставки подарены художественному музею Алтайского края. Это значит, что мы еще не раз сможем увидеть эти работы в Барнауле. ■

Андрей Машанов. *Вдохновение*. 2001. Бумага, офорт, акварель, золото

Сказки для Ангелов под тихую мелодию счастья

текст **Евгений Пешков**

Персональная выставка «Тихая мелодия счастья» известного сибирского художника-графика Андрея Машанова экспонировалась с 15 марта по 15 апреля в Государственном художественном музее Алтайского края в рамках внеконкурсной программы IX Межрегиональной молодежной художественной выставки «Аз. Арт. Сибирь — 2019».

Сложилась добрая традиция — в рамках «Аз. Арта» обязательно проходит выставка председателя конкурсного жюри проекта. Как правило, в этом качестве выступает известный, пользующийся авторитетом в профессиональной среде художник, председатель одного из сибирских отделений Союза художников России. Каждая такая выставка

имеет особое значение для культурной жизни региона, поскольку демонстрирует лучшие образцы отечественного искусства в исполнении именитых мастеров и позволяет жителям Алтайского края расширить представление о современных художественных направлениях.

Андрей Николаевич Машанов — яркий представитель современного

*Нужно иметь адское терпенье,
Чтобы иметь ангельский характер.*

А.Н. Машанов «Книга Ангелов»

искусства Сибири. Он родился в 1959 году в Омске. Художественное образование получал на художественно-графическом факультете Омского государственного педагогического института, многократных стажировках на творческой даче «Челюскинская» и в мастерских регионального отделения «Урал, Сибирь и Дальний Восток» Российской академии художеств (Красноярск). Машанов — заслуженный художник Российской Федерации, председатель Омского регионального отделения Союза художников России, секретарь Союза художников России по Сибирскому федеральному округу, профессор кафедры «Дизайн и технологии медиаиндустрии» ОмГТУ, лауреат многочисленных всероссийских и международных выставок, обладатель серебряной медали Российской академии художеств.

Уже в первой половине 1990 годов, в самом начале профессиональной карьеры, у Андрея Машанова сформировался оригинальный творческий метод, представляющий собой совокупность технических и изобразительных средств, круга тем и мира образов. В излюбленной технике офорта художник достиг высокой степени мастерства. Подчеркну: Машанов применяет многоцветную печать, что во много раз сложнее монохромного исполнения. В те же годы Андрей Николаевич определяется с главной темой творчества — древнерусские мастера. Первые работы были однотонными. Образы Феофана Грека, Андрея Рублёва, Дионисия сразу получают признание в профессиональной среде и вдохновляют автора. С офортного станка сходят произведения, посвященные евангелистам, Сергию Радонежскому, безымянным зодчим, ремесленникам, представителям русской народной культуры — скомороху, кукольнику, знахарю; легендарному сказителю Бояну, литературным памятникам Руси.

Примечательно, что традиционная культура и христианство гармонично сосуществуют в произведениях Андрея Машанова. Более того, художник применяет стилизацию под древнерусскую религиозную живопись в абсолютном большинстве своих произведений, что наряду с техникой офорта становится основой его творческого метода. Персонажи Машанова словно сошли с икон. Большинство из них имеют ангелоподобный

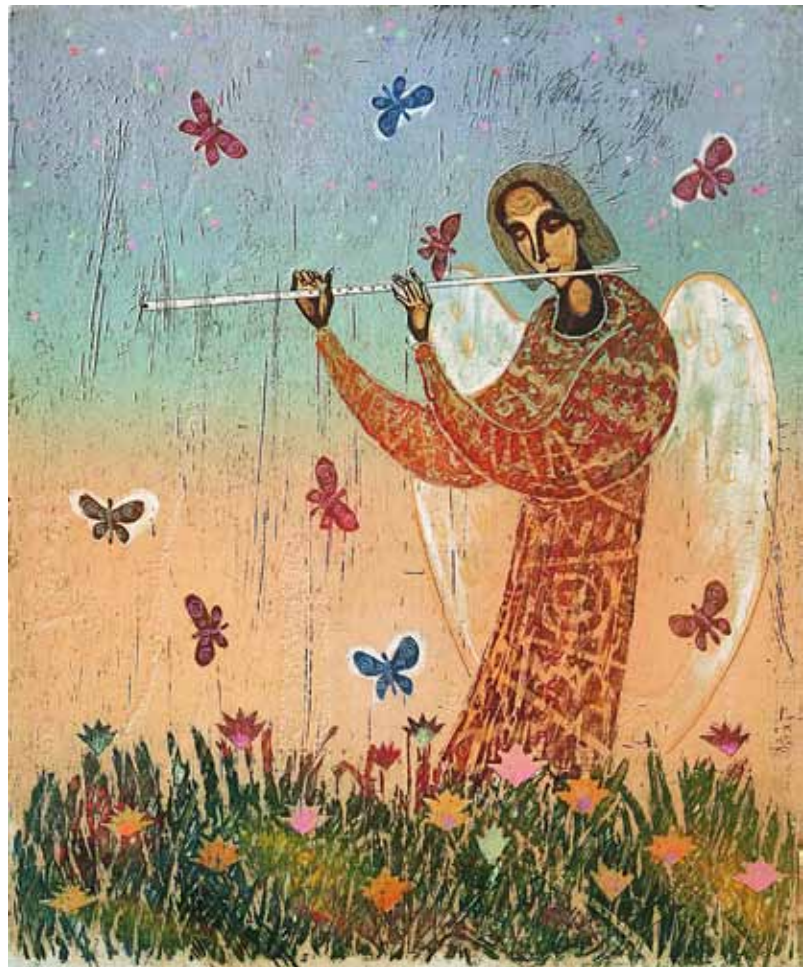
вид и изображаются с белыми крыльями за спиной. Они одеты в длинные хитоны. Их выписанные на плоскости с характерными изгибами утонченные силуэты будто парят в воздушном пространстве. Открытые части тела — лицо и руки — тронуты оживками. Лица имеют условный характер и напоминают иконописные лики. Остатки белого поля листа с продавами от нажима печатного станка по периметру изображения как будто играют роль ковчега, а неровные края бумаги, наклеенной на служащий фоном задник, оставляют впечатление спонтанности и непринужденности, сопутствующие творчеству автора при воплощении образа.

Графическая серия «Музыка» описывает мир как музыкальное произведение, проявляющееся каждое мгновение в разных явлениях, будь то музыкальные инструменты, морские раковины, птичьи трели, хоровод звезд или даже — тишина. Для произведений этой серии характерны плавные

лирические названия: «Тихая мелодия», «Звуки моря», «Мелодия танца», «Трели городского утра», «Колыбельная», «Музыка падающих звезд».

Мир образов Андрея Машанова — это сонм ангелов. «Сказки для Ангелов» — цикл произведений художника, которыми он проиллюстрировал предложенные ему когда-то издателем притчи. Но художник и поэт Машанов создает уникальную авторскую книгу «Книга Ангелов», в которой на каждом развороте поэтические строки, написанные собственноручно каллиграфическим почерком, сопровождаются офортным оттиском.

Работы Андрея Машанова окрыляют. От них исходит энергия добра, легкой игривости, нежности. Они располагают к себе. Поневолу вслед за художником начинаешь слышать тихую мелодию счастья — музыку гармоничного мира, воплощенную талантливой рукой мастера в художественные образы. ■

Андрей Машанов. *Тихая мелодия*. Из серии «Музыка». 2009. Бумага, офорт, акварель, золото

С 14 марта по 15 апреля в Барнауле проходила IX Межрегиональная молодежная художественная выставка «Аз. Арт. Сибирь — 2019». Масштабная биеннале стала местом встречи молодых живописцев, графиков, скульпторов, дизайнеров и именитых гостей, художников-академиков

Подарки академиков

текст **Наталья Царёва**

В этом году выставка вновь организована при поддержке Регионального отделения Урала, Сибири и Дальнего Востока Российской академии художеств и впервые проводится с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов.

Среди приглашенных гостей — первый вице-президент Российской академии художеств, академик Виктор Калинин (Москва), академик Российской академии художеств Павел Никонов (Москва), секретари Союза художников России — Александр Муравьев (Москва) и Андрей Машанов (Омск), председатель Иркутского отделения СХ России и директор Иркутского художественного музея имени В.П. Сукачева Наталья Сысоева, заместитель директора по научной работе Кемеровского областного музея изобразительных искусств Марина Чертогова.

С приветственным словом перед участниками художественного форума выступил первый вице-президент Российской академии художеств, академик РАХ, заслуженный художник РФ Виктор Григорьевич Калинин: «Художественный проект "Аз. Арт. — Сибирь" очень своевременно возник в Сибири. Два года назад я участвовал в открытии выставки и могу отметить основательное развитие проекта. Это подтверждается и поддержкой в рамках Президентского гранта. Само название проекта, в котором заключена энергия, свойственная молодым, говорит о большом его будущем.

Традиция молодежных выставок была свойственна Союзу художников. Именно здесь созрели мастера, которые впоследствии влились в славную когорту великих художников России и Союза. Отрадно, что после достаточно длительного перерыва эта традиция возрождена в Сибири, и именно в Алтайском крае — здесь очень большой потенциал. Сибирь обладает, помимо материальных, богатствами духовными. Мы видим, как молодые художники вливаются в осмысление сегодняшнего дня, и мы ждем от них прорыва.

Виктор Калинин передал участникам «Аз. Арта» поздравление Президента Российской академии художеств Зураба Церетели и преподнес в дар Государственному художественному музею Алтайского края от Российской академии художеств работу Зураба Константиновича — эмаль «Натюрморт» (2019).

Художник изображает свои любимые фрукты и цветы, и центральное место отводит подсолнухам. Подсолнухи, пожалуй, самый излюбленный мотив мастера. Как отмечают искусствоведы, столь частое их присутствие в творчестве художника можно объяснить по-разному. Это и отражение жизнеутверждающей позиции автора, которая, безусловно, главенствует в его отношении к окружающей действительности. И некое солнцепоклонничество, когда художник стремится быть ближе к солнцу, сходящему на землю через его полотно. И еще этот цветок является символом благодарности. Как подсолнух обязан своей красотой солнцу, так художник во многом считает свой талант обязанным природе, из которой он черпает вдохновение и сюжеты для своих произведений. Яркие, сочные, горящие краски эмали поднимают настроение.

Зураб Церетели. *Натюрморт*. 2019. Эмаль. 50x50

Павел Никонов. *Нивы Алтая*. 1980. Бумага, акварель. 54x64

Зураб Церетели занят возрождением этой сложной техники уже многие годы. Эмали поразили его воображение во время давней стажировки во Франции. Эмальеры города Лиможа славились еще во времена Леонардо да Винчи. Известную со времен фараонов технику развивали в разных странах, в том числе в древней Грузии и в России, где особую популярность снискала финифть мастеров Ростова Великого.

Роль красок здесь играет цветное стекло. Его закаляют, как сталь. Но из-за сложности технологии художники охладели к искусству, сопряженному с ремеслом. А вот Церетели эмалью страстно увлекла. В ней он увидел способ настенной росписи больших плоскостей, способных играть главную роль в интерьере общественных зданий.

Вместе с друзьями-химиками он решил возродить забытое искусство предков. В итоге у него на руках оказались авторские свидетельства и эмали, каких ни у кого не было за всю историю цивилизации. В палитре присутствует не семь цветов радуги, как прежде, а на порядок больше. Это во-первых. Во-вторых, из средства производства миниатюр, небольших произведений художник превратил перегородчатую эмаль в способ создания настенных панно — больших, ярких и колоритных картин любого размера. Какой и смотрится подаренная музею работа.

Известный российский художник, живописец, график, народный художник Российской Федерации, лауреат Государственной премии Российской Федерации, академик Российской академии художеств, член Президиума Российской академии художеств, один из основоположников

«сурового стиля» Павел Фёдорович Никонов также подарил музею свою работу — акварель «Нивы Алтая».

Важно отметить, что работа была создана художником на Алтае, и Павел Фёдорович рассказал о ней следующее: «Я был здесь прежде, в 1970 годы, мы готовились к выставке "Нивы Алтая". Этот интересный проект был связан с поездками на места, в моем случае это был колхоз "Восход" Змеиногорского района, крупное коневодческое хозяйство. Я написал панораму всего села со зданиями колхоза и табуны лошадей. Эта акварель стала справочным материалом, на основе которого я уже создал крупное живописное полотно. Именно в деревне, на деревенском материале многие социальные процессы выявляются острее, явственнее. Это очень интересно и в пластическом, и в живописном отношении. Сегодня я рад передать эту акварельную работу музею в память о тех годах и о той выставке».

На республиканской выставке «Нивы Алтая», которая состоялась в 1982–1983 годах в Москве и Барнауле, художник показал три свои большие картины: «Портрет В.И. Шубина» (1980. Холст, масло. 120x150), «Панорама села» (1980. Холст, масло. 150x200), «Хлебная нива колхоза "Восход"» (1980. Холст, масло. 170x240).

В приветственном слове к «Аз. Арту» Павел Никонов сказал: «Российская академия художеств полна внимания к деятельности художников Урала, Сибири и Дальнего Востока. Думаю, что концентрация идей и мастерства, которые здесь есть, будет представлена в Академии в обозримом будущем, мы все этого ждем. Художественный проект "Аз. Арт. — Сибирь" — это очень важный, знаковый проект. Российская академия художеств поддерживает эту сибирскую инициативу, это большое событие сибирского искусства». ■

За 13 лет в проекте «Аз. Арт. Сибирь» приняли участие более 1 600 молодых сибирских художников

Анастасия Свинарёва. *Автопортрет*. 2012. Бумага, смешанная техника. 41x44

Портретное творчество молодых иркутских художников

текст **Алина Голято**

В статье искусствоведа Тамары Драница «Иркутский портрет» говорится о том, что «иркутская "провинция" занимает особое место среди других регионов Сибири. Формировавшаяся на протяжении трех столетий культурная среда Иркутска оказалась очень благоприятной для появления самобытных

личностей, в ее художественном пространстве динамично, но не конфликтно пересекаются разные стилевые и стилистические интересы, балансирующие иногда на грани реалистических и поставангардных концепций, но не выходящие в целом за пределы вечных ценностей классической эстетики».

Большое влияние на развитие жанра портрета в иркутском творческом пространстве оказали художники-портретисты старшего поколения, работавшие в живописи и графике: Анатолий Алексеев, Аркадий Вычугжанин, Владимир Тетенькин, Анатолий Костовский, Андрей Рубцов, Виталий Смагин, Галина Новикова, Александр Шипицын. Вдохновляемая работами этих мастеров, современная творческая молодежь создает свои неповторимые образы: чаще всего это портреты друзей и родных, автопортреты, реже — портреты творческих личностей: поэтов, музыкантов и коллег по цеху — художников.

Среди представленных в статье авторов есть студенты и выпускники Иркутского художественного училища имени И.Л. Копылова, выпускники кафедры монументально-декоративной живописи и дизайна имени В.Г. Смагина Иркутского национального исследовательского технического университета и также выпускники педагогического института Иркутского государственного университета.

Рассмотрим портретные работы начинающих художников.

В студенческих работах учащихся Иркутского художественного училища уже чувствуется определенный уровень мастерства, который был приобретен ими в процессе обучения. Среди студентов выделяются живописцы Глеб Иванов, Анастасия Яковлева и график Полина Козлова.

Реалистические портреты Глеба Иванова со сложным колоритом, построенным на цветовых нюансах, написаны уверенными широкими мазками. Художник продумывает позу портретируемого, расположение рук, ищет выразительное движение наклона головы. Портреты, которые на первый взгляд кажутся простыми и легко сработанными, на самом деле детально выстроены и продуманы. Это можно проследить на примере таких работ, как «Автопортрет» (2018), «Деда» (2017), «Бабушка» (2016), «Полина» (2016), «Портрет матери» (2017), «Вова Казак» (2018), «Поэт» (2018). Остановим внимание на работе «Поэт». Сложен цветовой строй картины. «Краски у нас — это орудие, они должны выражать наши мысли. Колорит наш — не изящные пятна, он должен выражать нам настроение картины, ее душу, он должен расположить и захватить всего зрителя, как аккорд в музыке», — писал И.Е. Репин. Работа Глеба Иванова «Поэт», если говорить музыкальным языком, звучит сложным многосложным аккордом. Всевозможные оттенки красного, лилового, серебристого, изумрудного, охристого и умбристого гармонично сочетаются в картине. Поза портретируемого, сосредоточенное выражение лица свидетельствуют о том, что перед нами человек творческий, ищущий. Человек читает книгу, она у него в руках. Он будто бы находится здесь, но и одновременно в своем пространстве.

Полиптих Анастасии Яковлевой «Молодежь» (2018), состоящий из четырех портретов, привлекает яркостью красок. Портреты не выглядят придуманными, видна работа с натуры, и это не слепое безотчетное списывание, а внимательное

изучение, поиск образа. Художник словно открывает человека. Перед нами предстают современные молодые люди с соответствующими «атрибутами молодости»: наушниками, смартфоном, в молодежной одежде.

В графических работах Полины Козловой, самостоятельно освоившей технику линогравюры, с помощью линии и пятна возникают образы людей. Художник раскрывает и подчеркивает индивидуальные черты портретируемых, для каждого подбирает такую графическую технику, которая наиболее точно и полно, по мнению художника, передает характер натуры. Привлекает внимание серия линогравюр «Красота» (2018). На первом листе — девушка, моющая голову, на втором — причесывающая волосы. Красота не только в самом женском образе, но и в ритмически организованном пространстве листов. Выразительные средства линогравюры использованы в полной мере: сочетание черных и белых линий разной толщины и пятен разной формы надолго задерживает взгляд зрителя.

В жанре портрета работают выпускники училища: Татьяна Карелина, Илья Брычко, Светлана Благодина и Мария Овчинникова.

Интересны карандашные и акварельные портреты Татьяны Карелиной, ее работы пронизаны светом; легкие, полупрозрачные мазки создают воздушные, романтические, мечтательные образы. Художник экспериментирует с акварелью, включает в портреты подтеки и брызги краски,

Полина Козлова. **Красота**. Диптих. 2018. Линогравюра. Лист 2. 44×30

Валентина Дерезанова. **Душа Аршана**. Диптих. 2016.
Бумага, смешанная техника. 90х63 (1)

Илья Брычко. **София**. Из серии «Мои современники». 2016.
Бумага, сангина. 70х55

которые не воспринимаются случайными, а выглядят гармонично, придают портретам живость. Сопровождение портретных изображений птицами, растениями, насекомыми художника объясняет так: «Я люблю добавлять различные сказочные элементы в портреты, так мне хочется подчеркнуть личные качества человека, ценные для меня. Например, в портрете Вариэто есть бабочки, так как она позитивный и добрый человек, в общении с ней я чувствую легкость, которую изобразила в виде бабочек».

Живописец и график Илья Брычко успешно экспонируется не только на молодежных выставках, но и на выставках известных иркутских художников, членов Иркутского регионального отделения Союза художников России. Серия графических рисунков «Друзья» (2017) выполнена с большим мастерством. Линия в них — живая, свободная, и оттого сами изображения кажутся «ожившими», переданными правдиво и эмоционально.

В творчестве живописца Светланы Благининой преобладают прекрасные женские образы. Образы эти схожи и в чертах, и в самой подаче. Гладкое лессировочное письмо подчеркивает их женственность, нежность и хрупкость.

Особое внимание хочется обратить на творчество Марии Овчинниковой. Художник-живописец по образованию, Мария создает реалистические образы, используя технику декоративно-прикладного искусства. Свои удивительные портреты она вышивает нитками по ткани, изображение складывается из сотни мелких тонких стежков. Мария описывает свой творческий процесс так: «Я представляю, как работала бы масляными красками или графическими материалами, и в таком направлении укладываю стежки. Если в представляемом мной мазке есть еще цвета, кроме основного, добавляю в том же направлении стежки нового цвета, таким образом происходит смешение цветов». В технике вышивки выполнен портрет «Паша» (2018). Мария изображает своего мужа и, главным образом, стремится передать его сложный взгляд — строгий и в то же время добрый и заботливый. «Его вообще интересно рисовать, он такой живой, светящийся, шероховатый, неидеальный, настоящий, как географическая карта», — говорит Мария.

Заслуживают внимания портретные работы Любви Сизых и Анастасии Ижганайтене, выпускниц кафедры монументально-декоративной живописи и дизайна имени В.Г. Смагина Иркутского национального исследовательского технического университета. Декоративные картины Любви Сизых — это автопортреты в разных образах: «Я — энергия» (2018), «Я — актриса» (2017), «Я — горожанка» (2016), «Весна» (2017). В работах нет фотографического сходства с натурой. Художник стремится через колорит и ритм цветовых пятен передать, скорее, свое внутреннее состояние, чем сделать акцент на индивидуальных особенностях натуры.

Картины Анастасии Ижганайтене также декоративны. Фактурная живопись усиливает ощущение эмоционального напряжения в работах. Образы абстрактны и символичны, первостепенное

Глеб Иванов. *Поэт*. 2018. Холст, масло. 50x65

значение имеет колористический строй портретов, именно он задает настроение в работах. Он не повторяется, а варьируется от работы к работе и звучит как в мажорных, радостных интонациях, так и в лирических минорных. Художник часто использует сочетания противоположных цветов для усиления цветности работ.

Графические портреты Валентины Дерезановой и Анастасии Свиной, выпускниц педагогического института Иркутского государственного университета, говорят сами за себя. Обе художницы уже достигли определенного уровня мастерства и занимают лидирующие позиции в творческой среде города. Они являются постоянными участниками крупных выставочных проектов: «Аз. Арт. Сибирь», «Молодая Сибирь». Валентина Дерезанова часто обращается к смешанной технике, создавая сложные по композиционному строю портреты. Диптих «Душа Аршана» (2016) — портрет-аллегория, в котором художник через женский и мужской образы представляет зрителю любимый уголок природы.

Для графики Анастасии Свиной характерен острый резкий штрих с сильным нажимом. С помощью пастели, угля, серебряного карандаша Анастасия создает напряженные, в темных тонах портреты. При близком рассматривании можно почувствовать, как энергично художник наносит штрихи на бумагу. Лица отражают сложные эмоциональные состояния.

Портретное творчество молодых художников Иркутска хочется охарактеризовать как яркое, разнообразное и современное. Чаще всего молодые художники изображают близких людей, друзей-сверстников, что закономерно: эти люди живут с ними «в одном времени», они ближе, понятнее, роднее. Они вдохновляют. Портреты разнятся по своим стилистическим характеристикам, по видовым типам, но в конечном итоге зрителю представлен обобщенный образ современного человека — ищущего, думающего, мечтающего, человека увлеченного, романтического и прекрасного в своей индивидуальности. ■

Рудольф Камелин

ЮНЫЕ ГОДЫ БОТАНИКА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Барнаул:
Изд-во Алт. ун-та,
2019. 169 с.

Книги, вышедшие в вузовских издательствах, сравнительно редко попадают в фокус внимания широкого круга читателей и по причине их специального, научного характера, и вследствие небольших тиражей. Надеемся, что книге известного отечественного ученого-ботаника Рудольфа Владимировича Камелина, отпечатанной в издательстве Алтайского государственного университета, такая судьба не грозит. Она заслуживает самой широкой аудитории и внимания всех тех, кто по-настоящему увлечен ботаникой, и тех, в ком живет романтика первооткрывателя, азарт «охотника за растениями».

У этой книги необычная судьба. Р.В. Камелин (1938–2016) — выдающийся советский и российский ботаник, специалист в области систематики и географии растений, член-корреспондент АН Таджикской ССР (1987), член-корреспондент АН СССР (1990), а затем — и РАН (1991). Доктор биологических наук (1975), заслуженный деятель науки и бессменный президент Русского ботанического общества (1991–2016). С 1968 года Рудольф Камелин был сотрудником знаменитого БИНа — Института ботаники АН СССР. Параллельно преподавал в ЛГУ, а потом и в СпбГУ, с 1992 по 2002 год возглавляя там кафедру ботаники. Алтайский край может гордиться тем, что судьба «русского Линнея», как называли при жизни Рудольфа Владимировича коллеги, пермяка по рождению, оказалась тесно связанной с нашим регионом. Еще в студенчестве он работал здесь на целине, потом много позже, с 1992 года, регулярно бывал на Алтае в экспедициях. В девяностые годы сложились его профессиональные и дружеские связи с Алтайским госуниверситетом и Южно-Сибирским ботаническим садом. В 1998-м ученым был основан международный журнал «Turczaninowia», который издается на базе АГУ и сегодня индексируется престижной базой данных «Scopus». С 2002 года Рудольф Камелин работал в должности профессора кафедры ботаники АГУ, воспитал целую плеяду алтайских ученых-ботаников, которые стали научными лидерами опорного университета нашего региона.

Книга воспоминаний о первых экспедициях в Средней Азии Рудольфом Владимировичем писалась с 1980 по 1990 год. С тех пор рукопись лежала в ящике письменного стола автора. И вот пришло ее время выйти к читателю. Работа по подготовке рукописи к изданию проведена вдовой ученого — Ольгой Петровной Камелиной, а также его учениками и последователями из АГУ: Александром Ивановичем Шмаковым, Сергеем Владимировичем Смирновым, Антоном Валерьевичем Волюнкиным, Алексеем Владимировичем Вагановым, Татьяной Михайловной Копытиной.

Книга уносит читателя в 1958 год, когда, будучи третьекурсником Пермского госуниверситета, Рудик Камелин был впервые командирован для сбора гербарного материала к лекциям в Алма-Ату и Ташкент. Конечно, 20 лет — это уже не «юные годы», скорее — «молодые». Да и доверие руководства вуза, отправившего в серьезную экспедицию третьекурсника, говорит о том, что старшие коллеги видели в нем будущего ученого, а не просто студента. Но спишем употребление эпитета «юные» в заглавии книги на лирический настрой автора: ведь он вспоминал то время с высоты прожитого и пережитого и, наверное, имел полное право именно так представить себя двадцатилетнего.

С тех пор Средняя Азия, «страна гор», стала, по признанию Рудольфа Камелина, для него «родной и близкой». Неслучайно и вдова автора называет книгу «поэмой о природе и красоте гор Средней Азии глазами молодого ученого». Книга написана не столько ученым-академиком, сколько путешественником-этнографом, впервые открывающим мир *terra incognita*. Входящие в книгу разделы-очерки начинаются с эпитафий из знаменитых литературных конквистадоров XIX–XX веков: Редьярда Киплинга, Мишеля Песселя, Владимира Липского; в тексте вы найдете отсылки к таджикско-персидским творцам — от Рудаки, Камола и Хафиза до Айни, упоминания о растениях, ставших излюбленными в классической восточной поэзии (см., например, о багряннике Гриффита (*Cercisgriffithii*) — с. 101). Любовь и искреннее восхищение дикой красотой таинственной Азии пронизывают камелинские очерки об экспедициях и не смогут оставить безразличными никого.

Воспоминания Рудольфа Камелина рассказывают о трех больших экспедициях в Среднюю Азию, совершенных им в 1958–1960 годы. Книга, о которой мы говорим, — это настоящий клад научной информации о флоре и географии Средней Азии, она остается по-прежнему актуальной. Автор детально и с высокой точностью описывает растения, их родо-видовую принадлежность и трудности определения, историю открытия, условия их обитания, часто — практическую пользу для народного хозяйства и медицины (например, на с. 33–36 рассказ о недзвецкии семиреченской, на с. 106–108 — о солодке, с. 127–129 — о челоне и т.д.). И все это на фоне живого описания ландшафта, нравов ученого сообщества Казахстана, Узбекистана и Таджикистана, народных обычаев, исторически сложившихся особенностей и предпочтений, связанных с возделываемыми культурными растениями в данной местности. Автор красочно описывает и повседневное застолье таджиков (с. 114), и свадебный обряд дарвазцев: здесь в полной мере проявились и острый глаз, и точный язык Камелина-этнографа.

Книга будет полезной и для состоявшихся ученых, которые найдут здесь важные факты из области систематики растений, и для студентов-биологов, фармацевтов, географов, которым пригодятся знания о среднеазиатской флоре, изложенные в научно-популярной форме. Один из очерков, вошедших в книгу, называется «Кладовая загадок». Ответы на некоторые из них автор предлагает читателю. Найти самому ответ на другие загадки — разве не стимул для молодого биолога?

В книге не остались без внимания и настоящие приключения, случившиеся с автором в экспедициях. Вот он, увлекшись поиском редких видов, забрался высоко на скалу, спуститься с которой оказалось не так просто и ... опасно для жизни. А вот он тщетно гоняется за гигантским вараном в Илийской пустыне, а позже узнает, что ни в одной книге по зоологии Средней Азии об обитании этих ящериц в данном районе не упоминается. Вслед за автором мы попадаем в удивительный каньон реки Чарын в Казахстане, который ничуть не уступает в красоте Большому каньону в Аризоне; в Придарвазье восхищаемся видом гор Чильдухтарон; в Западном Тянь-Шане, утомленные переходом по горам, пьем чай со стариком-отшельником, который, улыбаясь неопытности молодого путешественника, не захватившего в дорогу припасов, угощает его сыром-курутом. Когда читаешь книгу Камелина, в памяти всплывают прочитанные в детстве знаменитые романы капитана Майна Рида «Охотники за растениями» и «Ползуны по скалам». Только в отличие от английского писателя, удачно сочинявшего авантюрные коллизии, молодой ботаник Рудик Камелин все испытал на себе и смог донести до читателя историю поисков редких видов растений Средней Азии не менее увлекательно и живо, чем автор «Всадника без головы».

Отметим, что текст книги обильно сопровождается фотографиями растений и ландшафтов, сделанными современными фотоаппаратами; рисунками самого Рудольфа Владимировича, снимками из личного архива автора. Весь графический материал отличного качества.

Одно из достоинств книги — язык. Его отличают стилистическая чистота, лексическое богатство, образность.

Пожалуй, единственный минус издания — мелкий шрифт. Одолеть десять страниц текста в этом случае все равно, что пройти десять километров по горам и долинам Придарвазья! Но это вопрос технический, который можно без ущерба для текста решить в новом издании. А оно, мы в этом уверены, еще будет.

Перед нами научно-популярное издание, целевая аудитория которого — студенты, преподаватели, ученые. Однако у книги есть все, чтобы стать настоящей настольной книгой для юных ботаников. Возможно — следующим этапом после знаменитой «Занимательной ботаники» Александра Цингера, пробудившей интерес к науке ни у одного поколения отечественных подростков. Необходима только некоторая корректировка верстки: разбить на главы объемные очерки «Лето, определившее всю жизнь», «Страна моей души — Придарвазье», в некоторых фрагментах текста провести более частое деление на абзацы. Эти приемы сделают чтение более доступным для начинающих ботаников.

Рекомендуем книгу Рудольфа Камелина всем книголюбам и краеведам: у издания есть все предпосылки стать библиографической редкостью. Найти ее можно на кафедре ботаники Алтайского государственного университета или в дирекции Южно-Сибирского ботанического сада. ■

Дмитрий Марьин

С 13 по 17 мая в Алтайском государственном музыкальном театре прошел V театральный фестиваль курсовых и дипломных работ «ШАГ»

Мюзиклы, оперы

текст **Юлия Плотникова**

Ансамбль современного танца «Вереск» Алтайского государственного института культуры. **«Сказ о Ясном Соколе».**

Фото **Виктории Белоусовой**

В программу юбилейного фестиваля вошли спектакли студенческих команд Москвы, Перми, Иркутска, Кемерово, Новосибирска и Барнаула. Кроме того, в Год театра организаторы приняли решение включить в афишу постановки любительских коллективов — семейного музыкального театра-студии «ДИЕЗ» (Новосибирск) и театра-студии «Маскарад» (Новоалтайск).

Открыла фестиваль сольная программа специальной гостьи, актрисы и певицы Лики Рулла (Москва). Широкую известность Лике принесло участие в мюзиклах «CHICAGO», «Ромео и Джульетта», «Mamma mia!», «Граф Орлов», «Анна Каренина» и других. Лике Рулла по праву можно назвать корифеем мюзикла в нашей стране — недаром уже несколько

лет она является художественным руководителем курса «Артист мюзикла» в ГИТИСе.

В спектакле «Монологи о любви», поставленном в соавторстве с режиссером Алексеем Франдетти и показанном на фестивале «ШАГ», Лика раскрывает новые грани своего дарования. Ее сольная программа представляет собой выразительное действо, органично

сотканное из песен, стихотворений и доверительных бесед с залом.

В «Монологах о любви» Лика Рулла предстает очень разной: лиричной, дерзкой, ироничной, ранимой... С помощью нескольких штрихов — шляпы, зонтика, букета цветов, шали — актриса меняет образы прямо на сцене, удивляет зрителя то степом, то игрой на скрипке. К слову, весь спектакль сопровождает живая музыка — вместе с Ликой в Барнаул приехали участники ее бэнда. «Монологи о любви» на первый взгляд кажутся очень пестрыми, разнородными: песни Аллы Пугачёвой и Далиды соседствуют с творчеством групп «Город 312», «Ноль», стихотворения Марины Цветаевой и Беллы Ахмадулиной чередуются с произведениями современных авторов. И все-таки действие получилось удивительно гармоничным, цельным. Лике Рулла удается сделать музыкальный и поэтический материал своим настолько, что песенные кавер-версии не воспринимаются известными, а звучат как оригинальные, самостоятельные произведения.

Мне не удалось отсмотреть все спектакли, вошедшие в программу «ШАГа — 2019», однако и те постановки, зрителем которых я стала, дают право отметить жанровое разнообразие фестивальной афиши: здесь представлены мюзиклы, музыкальные комедии, оперы, хореографические постановки.

Семейный музыкальный театр-студия «ДИЕЗ» (Новосибирск) представил в рамках фестиваля литературно-музыкальную композицию «Мы помним» о Великой Отечественной войне. В постановке нет сквозного сюжета, скорее, это череда зарисовок. Мы видим прощание юных влюбленных на шумном вокзале, внимаем пронзительной исповеди матери, провожающей сына на фронт, становимся свидетелями стремительного боя и кратких минут отдыха на привале. Стоит отметить интересный выбор материала — со сцены звучат не только известные песни и стихотворения о войне, но и те, с которыми широкий зритель, может быть, не знаком: стихи Дмитрия Попова, Самуила Маршака, Арсения Тарковского. Завершается спектакль песнями современных авторов, и эта преемственность поколений весьма символично

Лика Рулла (Москва). Фото Татьяны Панюковой

перекликается с концепцией самого театра-студии «ДИЕЗ»: его актеры — люди разных возрастов, от мала до велика. По словам руководителя семейного театра Евстолии Родионовой, вклад в создание каждого спектакля вносят абсолютно все, к мнению маленьких артистов прислушиваются так же внимательно, как и ко взрослым участникам коллектива.

Студенты актерско-режиссерского курса ГИТИСа привезли на фестиваль мюзикл «Том Сойер». Из-за плотного учебного и рабочего графика приехать в Барнаул удалось не всем, поэтому некоторые роли в спектакле исполнили артисты Алтайского государственного музыкального театра. Так, главного героя в юном возрасте сыграл участник прошлых фестивалей «ШАГ» Виталий Селюков. Роль взрослого Тома Сойера, выступающего в роли рассказчика, исполнил заслуженный артист России Святослав Калганов.

В основу сюжета мюзикла легла хорошо всем знакомая история о веселом и любопытном мальчишке, который живет в небольшом американском городке под названием Санкт-Петербург и вместе со своими друзьями постоянно попадает

в какие-нибудь переделки. Благодаря своей сообразительности Том Сойер находит выход из любой ситуации, и порой его шалости оборачиваются во благо. Разве сумел бы кто-нибудь разоблачить индейца Джо (актер Виталий Базык), если бы не Том и его товарищ Гек Финн (актер Никита Овчинников), отправившиеся ночью на кладбище?

На показе присутствовало много детей, которые живо реагировали на происходящее, смеялись и аплодировали. Спектакль получился светлым, жизнеутрачивающим, динамичным, с легкой ностальгической ноткой для взрослой части аудитории. Авторам постановки удалось не только развлечь зрителей, но и воплотить один из замыслов Марка Твена — напомнить, какими мы были когда-то, что чувствовали, думали, как разговаривали и в какие странные авантюры иногда ввязывались.

Жанр спектакля «Пустошь» народного коллектива Алтайского края театра-студии «Маскарад» (Новоалтайск) определен как пластический спектакль-импровизация. Это история о постапокалиптическом мире, рассказанная посредством музыки и пластики. Из нескольких картин складывается

единое действо, выразительное, одновременно пугающее и странным образом завораживающее. В какой-то момент зритель, словно сам оказывается на сцене, среди обездоленных, бредущих сквозь тьму, сквозь дождь, сквозь ветер. От стихии людей укрывает невеста откуда взявшееся полотно — а затем, будто подразнив, исчезает. Полотнище уносит один из них, сумевший ловко «потянуть одеяло на себя». Отчаявшиеся люди идут за ловкачом, надеясь на спасение и кров, но их отбрасывает назад сильными порывами ветра. Нескольким из них удается ухватиться за полы одежды мрачного мессии, и в финале эти счастливицы предстают перед бывшими собратьями одной монолитной стеной, обернутой в «плащ власти». Люди тщетно бьются об эту стену и падают наземь, не в силах ничего предпринять. Финал эффектен, но, признаться, хотелось бы увидеть хотя бы маленький намек

на бунт против возникшей системы, на свет в конце туннеля.

В Алтайском государственном музыкальном театре уже много лет идет музыкальная комедия Гии Канчели «Ханума». Пермский государственный институт культуры представил на фестивале свое прочтение этого материала. Еще до начала спектакля определенное настроение у зрителя создает оформление спектакля: на заднем экране — зеленые горы в легкой дымке, по бокам сцены — резные деревянные балкончики — искусная работа, в деталях воспроизводящая старинные балкончики в Тбилиси. Вся постановка проникнута духом старой Грузии. Где еще, как не в «Хануме», постановщики могут разгуляться и наполнить пространство спектакля национальными танцами, песнями, тостами и шутками. Барнаульские зрители принимали

пермский коллектив очень тепло: в зале то и дело звучали аплодисменты и смех. Интересно, что роль Акопа, покорившего публику своими меткими репликами (и эффектным прыжком с балкона!), исполнил выпускник АлтГАКИ Андрей Воробьев. Сейчас он работает в пермском театре «У Моста», художественным руководителем которого является режиссер-постановщик «Ханумы» Сергей Федотов.

Ансамбль современного танца «Вереск» Алтайского государственного института культуры принял участие в юбилейном «ШАГе» со спектаклем «Сказ о Ясном Соколе». В основе сюжета — легенда о девушке Настеньке (актриса Анастасия Байдукова), полюбившей Ясного Сокола (актер Семён Макеев) и отправившейся за ним в дальние края. По задумке режиссера Ольги Вернигоры, Настенька

Пермский государственный институт культуры. «Ханума». Фото Валерия Неукрытого

олицетворяет собой саму Русь, а ее волшебный суженый — воина, защитника родной земли. Историю о стародавних временах зрителю рассказали посредством современной хореографии. Создатели определяют жанр «Сказа о Ясном Соколе» как пластический спектакль для детей и их родителей, и, пожалуй, он действительно будет понятен и интересен всем возрастам. Младшее поколение зрителей воспринимает происходящее на сцене как сказку, взрослые наслаждаются музыкой, хореографией, визуальным оформлением — простым и броским: белые полотна, меняющие цвет в зависимости от освещения, и кубы, выполняющие самые разные функции.

Комическую оперу Гаэтано Доницетти «Рита» исполнили студенты Новосибирского государственного театрального института. В этой миниатюрной опере всего три действующих лица: хозяйка гостиницы Рита (актриса Ксения Караваева), ее муж Беппо (актер Андрей Булгаков) и... еще один муж, якобы погибший во время кораблекрушения пират Гаспар (актер Артур Маркаров). Кредо Риты: «День любить — день лупить» своего безответного супруга. Беппо трепещет перед женой и, когда появляется шанс избавиться от брачных уз, спешит им воспользоваться.

Новосибирский государственный театральный институт. «Рита».
Фото Максима Ретивых

Но, как и положено, события устраиваются так, что эта колоритная пара все-таки обретает семейное счастье.

Молодые артисты продемонстрировали прекрасные вокальные данные (а также, что немаловажно для оперы, хорошую дикцию — понятно было каждое слово) и колоссальную

выносливость. Они постоянно пребывали в движении: бегали, падали, фехтовали, дрались. Стоит признать, что студенты прошли испытание достойно и показали себя готовыми к работе в музыкальном театре, где, как известно, нужно совмещать пение с танцем, динамичными движениями на сцене. ❏

По традиции на фестивале «ШАГ» не присуждаются первые, вторые и третьи места, зато жюри награждает участников дипломами в специальных номинациях.

ИТОГИ ФЕСТИВАЛЯ «ШАГ — 2019»:

Номинация «За преданность жанру»: коллектив РАТИ-ГИТИС, мюзикл «Том Сойер», режиссер Виталий Базык

Номинация «За творческий поиск»: ансамбль современного танца «Вереск» АГИК, пластический спектакль для детей и их родителей «Сказ о Ясном Соколе», режиссер Ольга Вернигора

Номинация «Бороться и искать, найти и не сдаваться»: коллектив Иркутского театрального училища, мюзикл «Госпожа министерша», режиссер Анна Фекета

Номинация «За правду сценического существования в опере»: коллектив Новосибирской государственной консерватории имени М.И. Глинки, комические оперы «Телефон» и «Сначала музыка, потом слово», режиссер Дмитрий Суслов

Номинация «За лучший спектакль фестиваля»: коллектив Новосибирской государственной консерватории имени М.И. Глинки, комическая опера «Телефон», режиссер Дмитрий Суслов

Номинация «За вклад в воспитание подрастающего поколения»: народный коллектив Алтайского края театр-студия «Маскарад», пластический спектакль-импровизация «Пустошь», режиссер Анастасия Абрамова

Номинация «За ансамбль»: коллектив Новосибирского государственного театрального института, комическая опера «Рита», режиссер Александр Лебедев

Номинация «За честность и искренность в профессии»: коллектив Пермского государственного института культуры, музыкальная комедия «Ханума», режиссер Сергей Федотов

Номинация «За актерское исполнение женской роли»: Зина-Мелисса Трики-Ямани за роль Бекки Тетчер в мюзикле «Том Сойер».

В выставочном зале Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая прошла выставка, посвященная 100-летию народного артиста РСФСР Леонида Ивановича Двоеглазова (1919–1988), служившего сцене Алтайского краевого театра драмы 42 года

Леонид Двоеглазов: «Профессия актера бесконечна»

текст **Елена Огнева**

Нечасто случается, что добрая память о театральном актере переживает его самого на десятки лет. Но среди посетителей музейной выставки «Леонид Двоеглазов: жизнь под аплодисменты» нашлось немало благодарных зрителей, которые по сей день помнят сценическое обаяние артиста и созданные им образы.

В Барнауле Леонид Двоеглазов впервые оказался в 1939 году в составе артистической труппы

«Мосгосконцерта», в которой молодой артист выступал в качестве баяниста. Во время концерта в первом ряду Леонид увидел девушку с большими выразительными глазами. Это была любовь с первого взгляда.

Уроженец Вятки, получивший музыкальное и театральное образование (студия Л.С. Самборской), Леонид Двоеглазов после знакомства с обаятельной девушкой принял твердое решение остаться навсегда в Барнауле. Его избранницей была Ольга Тырыкина — дочь известной актрисы Барнаульского театра драмы Людмилы Людмиловой. Через месяц после знакомства Ольга и Леонид расписались. Сама Ольга прямого отношения к искусству не имела, но росла в творческой атмосфере, так как и мать, и отчим — режиссер, а с 1935 года директор Барнаульского драматического театра — Александр Чарин (Устиновщikov) безраздельно посвятили свою жизнь театру. Ко времени приезда Двоеглазова в Барнаул Чарина уже не было в живых. В 1937-м он был арестован по обвинению в принадлежности к «контрреволюционной кадетско-монархической организации «Российский общевоинский союз» и расстрелян (реабилитирован в 1956 г.).

Леонид Двоеглазов в сентябре 1939-го, вскоре после женитьбы, был призван на срочную службу в Красную Армию, а с началом Великой Отечественной войны направлен на фронт.

Он служил в батальоне связи 17-го гвардейского полка 5-й гвардейской стрелковой дивизии, которая принимала участие в Смоленской стратегической оборонительной операции и вела наступление на Ельню.

Леонид Двоеглазов героически проявил себя осенью 1941 года. В наградном листе к медали «За боевые заслуги» читаем: «25 октября в борьбе за город Калугу был ранен и вместе со своим подразделением попал в окружение. Тов. Двоеглазов мужественно, преодолевая боль и опасность, с боем вышел из окружения, тем самым

Леонид Иванович и Ольга Никифоровна Двоглазовы. 1939

увлекая своим примером мужество других бойцов. Тов. Двоглазов кроме выполнения своих обязанностей по службе является самым активным и опытным руководителем красноармейской самодеятельности батальона. Под его непосредственным руководством кружок самодеятельности часто выступает перед личным составом батальона с хорошо оформленным и подготовленным репертуаром, вызывая в бойцах и офицерах неосценимое удовлетворение, вселяя силу и энергию».

Испытания и тяготы военной жизни непостижимо сочетались в нем с желанием служить искусству. Леонид Двоглазов выступал перед боевыми товарищами как баянист и руководил дивизионным ансамблем до самого конца войны.

Со своим подразделением он дошел до границ СССР. Затем были Польша, Чехословакия. Война не закончилась для Леонида в победном мае 1945-го, еще полтора года он служил в Прибалтике. Вернуться в Барнаул гвардии старший сержант смог только в 1946 году.

Двоглазову было 27 лет. Никаких «трофеев» с войны он не привез, только маленького плюшевого медвежонка, который до сих пор хранится в семье Двоглазовых.

Леонид решает вернуться на театральную сцену, где он когда-то не без успеха делал первые шаги. С сомнениями переступает он порог Алтайского краевого театра драмы. Его охотно

принимают в труппу, но дебютный выход на барнаульскую сцену дается ему с трудом и большим волнением.

Первое появление Леонида Двоглазова на сцене театра состоялось в роли гвардейского офицера из четырех фраз. Это был спектакль «Шут Балакирев» Анатолия Мариенгофа, с него начался театр Двоглазова. Интересно, что определение «вершина мастерства» было чуждо актеру. Уже зрелым мастером в одном из интервью он говорил: «Нет такого понятия — вершина творчества. Если достигнешь ее, значит, конец всему. Конец актерской профессии... Мое глубочайшее убеждение, что если бы у меня появилось хоть на минуточку мнение, будто я все знаю и все могу, мне пришлось бы уйти из театра. Самоуспокоенность порождает штамп. А профессия актера бесконечна...»

Острохарактерный актер Леонид Двоглазов сыграл на сцене драмтеатра около 300 центральных и эпизодических ролей. Одно их перечисление заняло бы ни одну страницу. Здесь и Шприх в «Маскараде» М. Лермонтова, Жевакин — «Женитьба» Н. Гоголя, Дед Пика — «Разгром» А. Фадеева, Илья Сохатых — «Угрюм-река» В. Шишкова, Вожак — «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского, Дед Шукарь — «Поднятая целина» М. Шолохова, Терешко-Колобок — «Трибунал» А. Макаенка, Келин — «Святая святых» И. Друцэ, Дед Митяй — «Любовь и голуби»

В. Гуркина, Гитлер — «Конец» М. Шатрова и многие другие.

За исполнение роли Лещи («Последние» М. Горького) Двоглазов удостоен Диплома I степени Всероссийского театрального фестиваля горьковской драматургии в 1967 году.

В 1971-м Леонид Иванович получает звание «Заслуженный артист РСФСР», в 1978-м — «Народный артист РСФСР», первым из артистов алтайских театров.

У Леонида Двоглазова были роли особые, потрясшие и зрителей, и товарищей по сцене. Таков его Гитлер в спектакле «Конец» («Последние дни ставки Гитлера») по пьесе Михаила Шатрова (1975). Можно только предполагать, как сложна была для актера эта работа. По словам заслуженного артиста РСФСР Алексея Самохвалова: «очень хорошо играл Гитлера Леонид Двоглазов — с большой психологической правдой, глубиной. Он отказался от всех штампованных приемов, от всех карикатур на психопата-нациста, он сделал образ растерянного, подавленного, сломленного зверя, осознавшего, что пришла неминуемая расплата за все его преступления, пришел конец. Это слово "конец", которое драматург вывел в название своей пьесы, потрясающе точно воплощал актер в образе Гитлера».

Оставил свои суждения об этой роли и журналист Виктор Серебряный: «Ни на минуту не разрушая правды и цельности характера, убедительности происходящего на сцене, сумел передать и маниакальную одержимость фюрера идеей мирового господства, и его самовлюбленность и неискоренимое позерство, и живую сентиментальность... И это подстегивание себя до истерики, чтобы оправдать эрзацем чувств свою беспримерную жестокость, или чтобы преодолеть парализующий руки и ноги животный страх перед последним шагом в небытие... Артист сумел передать и всю силу самообольщения претендента на мировое господство, и полную меру его неизбежного краха».

Спектакль был показан на сцене всего одиннадцать раз и вскоре был снят с репертуара по идеологическим соображениям.

Другая потрясающая работа Двоглазова — роль Фрола Пескова в спектакле «Лето красное» Михаила Ворфоломеева (1976). Эта динамичная пьеса о деревенской жизни с постановкой острых социально-нравственных вопросов впервые представлена именно барнаульскому зрителю. Герой Двоглазова переживает глубокую

Алтайский краевой театр драмы. 1961

драму — сын не разделяет взглядов отца на жизнь. Конфликт столь глубок, что приводит к смерти главного героя.

Об этой роли вспоминает старшая дочь Леонида Двоеглазова — Маргарита Сретенская: «Мне было дано не отождествлять папу с его героями. Но однажды на спектакле "Лето красное", когда герой, роль которого играл папа, упал и умер, я так перепугалась, что после спектакля бегом помчалась за кулисы! Вбегаю в папину гримерку, а он сидит весь мокрый, бессильный, и даже видно, как у него на шее пульс бьется. Он так выглядел, как будто и вправду к смерти приготовился. Я с ужасом подумала: "Так он же сам мог умереть там, на сцене!" Сколько же раз он

величайший актер, но и мужчина, что редко бывает на сцене и в жизни. Двоеглазов — фронтовик, и в нем жила подлинная правда. Он был во всем настоящий».

Трогательную отеческую заботу проявлял Леонид Иванович к молодым актерам. Он присутствовал на всех репетициях от начала до конца, а потом в доверительных разговорах находил для каждого особые слова, которые помогали молодежи справиться с ролью. Леонид Иванович говорил, что научить актерской профессии нельзя. Подсказать — можно. Но учиться надо самому.

Леонид Двоеглазов чуть ли не единственный в театре знал по имени-отчеству весь технический персонал, с каждым здоровался, непременно

Актерские работы Л.И. Двоеглазова (слева направо): Кулак Палишин в спектакле «Снега» Ю. Чепурина, 1971; Странствующий учитель в спектакле «Укрощение строптивой» У. Шекспира, 1968; Старпом Туман в спектакле «Океан» А. Штейна, 1961

играл этот спектакль! Не играл, выходит, а проживал жизнь героя каждый раз заново».

На программке к спектаклю «Лето красное» автор пьесы Михаил Ворфоломеев написал Леониду Ивановичу такие слова: «Сказать хочу много, а слов нет. Вы — великий актер! Я очень рад, что видел вас, что знаю вас!..»

Многим зрителям запомнилась роль дяди Мити в спектакле «Любовь и голуби» В. Гуркина (1983). По воспоминаниям Людмилы Антоновой, младшей дочери Леонида Двоеглазова: «всякий раз, когда на телеэкране демонстрируется фильм "Любовь и голуби", где в главных ролях — звезды отечественного кино, я вспоминаю отца, который с блеском исполнял роль веселого забулдыги деда Митя в одноименном спектакле краевого театра драмы. Вспоминаю — и думаю о том, что спектакль нашего театра, благодаря своей удивительной человечности и исходившей со сцены теплой радостной энергии, был ничуть не хуже своего кино-тезки. И львиная доля этих эмоций исходила от Леонида Ивановича. А все потому, что у отца был не просто талант, у него был ДАР».

Народный артист РФ Георгий Обухов запомнил собрата по сцене таким: «Это был не только

интересовался делами, расспрашивал о здоровье, житье-бытье.

Он умел дружить. В его душе хватало места многим людям. Большим другом Двоеглазова был народный артист СССР, тоже фронтовик Анатолий Папанов. Леонид Иванович переписывался и встречался со многими известными актерами: Борисом Тениным, Фаиной Раневской, Лидией Сухаревской, Михаилом Ульяновым, Верой Марецкой. Его зазывали к себе разные театры страны. В семейном архиве хранятся приглашения из Московского театра сатиры, театра Моссовета, театра Советской Армии, Севастопольского и Одесского драматических театров.

От всех предложений Леонид Иванович решительно отказывался, таким образом выражая благодарность сибирякам. Он говорил: «Сибиряки — это такой мужественный народ! Ведь это именно они в войну, когда я трое суток лежал контуженый под завалом, меня раскопали и оживили!» Сибирь подарила ему крепкую любящую семью, в Сибири он нашел себя в актерской профессии, обрел свой театр, своих зрителей. Безо всякого пафоса он произносил: «Своих зрителей я не брошу». ■

Достоевский и сытый зритель

Французский писатель Андре Жид называл повесть «Кроткая» «...изумительной вещью, одним из самых мощных творений Достоевского». Приятно, что в Год театра в Барнауле обратились к творчеству писателя, ведь Достоевский бывал в нашем городе неоднократно и даже мечтал жить в нем, «...если ничего не будет другого по манифесту».

Работа над спектаклем началась почти год назад, в мае 2018-го, в рамках творческой мастерской по творчеству Фёдора Михайловича Достоевского «Человек — целый мир». В творческом эксперименте принимали участие пять молодых режиссеров, они представили свои эскизы, мини-версии спектаклей. Право на полноценное воплощение на сцене получил смелый эскиз молодого актера и режиссера из Санкт-Петербурга Рачи Махатаева, окончившего Российский государственный институт сценических искусств (СПбГИТИ). Свой выбор именно этого произведения Достоевского режиссер объясняет тем, что произведение небольшое по объему, но глубокое по смыслу, парадоксальное, как сама жизнь.

В основе повести лежит вечная проблема взаимоотношений мужчины и женщины, семьи, которую трудно назвать семьей. Писатель говорит о том, как порой сложно совместить жизнь разума и сердца; что неприемлемы расчет в семье, попытки математически спланировать будущее счастье, сложить его из материальных ценностей. Планирование семейной жизни героя дается в повести в соответствии со схемой буржуазной драмы, власти денег.

В этом смысле знакова сознательно выбранная героем профессия — Закладчик, он дает деньги в рост. И не менее значимо отсутствие его имени. Обиженный на весь мир человек, получая наследство,

Она — актриса Лена Кегелева. Спектакль «Кроткая».

Фото Любови Малионовой, Алтайский краевой театр драмы имени В.М. Шукшина

становится ростовщиком и женится на сиротке, спасая ее от верной гибели. И это тоже расчет, поскольку он выбирает себе в жены Кроткую. В самом начале семейной жизни он властно и холодно отсекает проявления нежности в своей супруге, потому что ему кажется, что его системная запрограммированная любовь, которую он должен вырастить в жене, надежнее.

Спектакль получился тонкий и неординарный, яркий и запоминающийся, вызывающий и восхищение, и протест, но не оставляющий равнодушным. Молодой и очень талантливый режиссер Рача Махатаев считает: «Театр — это пространство смысла». Он продемонстрировал экспериментальный характер постановки, новое прочтение классики, петербургскую школу, объединяющую разные произведения Достоевского в единый метатекст. В спектакле внимательный зритель уловит мотивы «Записок из подполья», романов «Бедные люди», «Преступление и наказание», «Бесы» и других произведений автора.

Лично меня покорило портрет Достоевского с заклеенными красной полоской глазами. Возможно, именно так, через дерзость, протест, эпатаж, режиссер хочет достучаться до современной сытой аудитории.

Сценический минимализм противопоставлен глубине психологической драмы. В начале спектакля зритель видит огромный короб-гроб из пластиковых ящиков и мертвенно-бледные ноги трупа с биркой на левой ступне. Это — воплощение краха семьи, мечты, надежд. Блистательно переданы смешение и противоречивость чувств тотально одинокого теперь героя: и желание поглядеть, обнять и поцеловать самые родные в мире ноги, и страх перед неживым уже телом, и протест, нежелание смириться с происшедшим. Спектакль идет на едином дыхании.

Ростовщик (Константин Кольцов) держит зрителя очень цепко, не отпуская ни на секунду. Прекрасно играет Она (Лена Кегелева).

Удивительны еще два персонажа — современное Добро в белом (Дмитрий Плеханов) и Зло в красном, в толстовке и кроссовках, с увесистой битой (Анастасия Южакова). Актрисе удалось создать притягательный, современный и неординарный сценический образ. Анастасия Южакова на обсуждении спектакля ответила иронично об ощущении себя в своей роли: «Где еще можно похаркать на сцене?» Рисунки мелом на стенах создают ощущение раздвигающейся реальности, погружают зрителя в пространство Петербурга, России, сообщая происходящему признаки типичности, выявляя его универсальный характер. Органично в этом смысле и открытое сценическое пространство без кулис. Такая форма театрального пространства объединяет актеров и зрителей, делает их сопричастными действию и в какой-то степени ответственными за судьбу героини. Символично движение Кроткой по кругу: от дома — к Закладчику по холодному, безразличному и вечно морозящему Петербургу.

Режиссеру и актерам удалось синтезировать комическое и трагическое. Комические моменты (а их довольно много: распитие водки, нарисованная фата, манипуляции с ящиками) снимают напряжение на секунду, дают психологическую разрядку зрителям и заставляя пережить узнавание: в классическом произведении увидеть вариации собственного опыта. Далее мы увидим молчаливое противостояние, войну мужчины и женщины, попытку подавить другого и, наконец, самоубийство Кроткой с иконой Богородицы в руках, выражающее протест против расчета в семье, против размывания границ между Добром и Злом... Наконец, это и месть мужу, поскольку своим поступком она ставит точку в их больном диалоге.

Мечты Ростовщика о любви, несостоявшемся счастье и гармонии семейной жизни с любимой женой звучат очень современно и остро. Ушел на два часа, чтобы сделать загранпаспорта и, наконец, подарить любимой любовь, море, Булонь, и опоздал всего на пять минут, которые оказались роковыми.

Достоевский свидетельствует: попытки сугубо рационального устройства жизни обречены на провал, жизнь богаче наших рациональных представлений о ней. Запретительный поступок жены удивительным образом пробуждает в Закладчике душу, его молчание прорывается

Сцена из спектакля «Кроткая». Она — Лена Кегелева, Ростовщик — Константин Кольцов. Фото Любови Малионовой, Алтайский краевой театр драмы имени В.М. Шукшина

страстной исповедью, монологом, потоком сознания страдающего мужчины, который со смертью жены потерял весь мир и обрел себя.

Финал спектакля нестандартный, неожиданный, яркий. Для меня более ожидаемым был бы звон церковного колокола, символизирующий воскресение души, осмысление дальнейшего пути и выхода из кризисной ситуации. Но после слов Белого, воплощающих авторскую интенцию: «Любите друг друга!», неожиданно в темноте звучит выстрел как знак конечности бытия человека.

Хочу выразить благодарность актерам за блистательную игру, предельную откровенность чувств, смелость решения образов, режиссеру — за выбор произведения и его экспериментальную сценическую реализацию, за теплую встречу-обсуждение в Алтайском государственном университете. Надеюсь, что Рача Махатаев продолжит сотрудничество с Алтайским театром драмы. Зрители в преддверии 200-летнего юбилея Достоевского ждут новых интересных постановок по его произведениям.

Спектакль по Достоевскому — хороший повод вспомнить о том, что с 2015 года комитет по культуре Барнаула рассматривает вопрос о переименовании площади Спартак-2 в площадь Достоевского и установки на ней памятника писателю.

Многие улицы в старой части Барнаула названы именами писателей — Пушкина, Толстого, Гоголя, Чехова, Некрасова, Никитина, Ядринцева и др. Столица горного дела на Алтае всегда была прогрессивным городом: улица Пушкина (прежде была Иркутской) названа именем классика в юбилейном 1899 году, первой в Сибири, третьей в России. Улица Льва Толстого появилась в 1910-м — в год смерти автора «Войны и мира». Но из великих писателей в Барнауле лично бывал только Фёдор Михайлович Достоевский, причем не единожды. Существующий в городе проезд Достоевского (расположенный в частном секторе недалеко от парка «Юбилейный») не может быть достойным выражением народной любви и уважения к писателю.

Несколько лет в Барнауле витает идея установки памятника великому русскому писателю в старой части города на пересечении улицы Большой Олонской и проспекта Ленина и присвоении имени Ф.М. Достоевского прилегающей к памятнику площади. Именно здесь и останавливался автор мировой величины. Писатель любил жить на пересечении улиц и чтобы из его окон была бы видна церковь.

Достоевский в письмах подарил Барнаулу эпитет «милейший» и зашифровал наш город в повести «Дядюшкин сон». Достоевский мечтал жить в Барнауле. ■

Елена Сафронова

Подсекальников — актер Дмитрий Плеханов. Фото Олега Чекушкина, Алтайский краевой театр драмы имени В.М. Шукшина

Эрдман, бабушки-старушки

Краевой театр драмы поставил «Самоубийцу» Николая Эрдмана

Ставить Эрдмана — это вам не плюшки со стола таскать. «Самоубийца», вне всяких сомнений, — прекрасная пьеса, одна из лучших не только в отечественной, но и в мировой драматургии; но она же — из сложных.

Местами — непреодолимо смешная, местами — пронзительно-грустная, местами страшная, вся целиком — тонкая и умная, — какая угодно, только не простая. Тот факт, что Эрдман до сих пор малоизвестен широкой публике, не снижает его котировки, скорее, наоборот: такой вот он, Эрдман, — не для всех. Более полувека пьесу замалчивали, до сих пор постановки «Самоубийцы» можно пересчитать по пальцам, и каждая из них — событие. И для любого театра ставить Эрдмана — это вызов и амбиция.

Но театр — это вообще институция амбициозная, в отличие, например, от того же кинематографа, куда более демократичного. Так что амбиции здесь — это, пожалуй, аргумент «за», а не «против». Такой премьерой можно гордиться, а театр и режиссер (Алексей Логачёв) заслуживают «спасибо» уже за это одно — за дерзновение. Совсем приятно, что дело не ограничилось амбициями: спектакль в целом получился достойный.

Чуть-чуть о банальном: театральная постановка — всегда диалог режиссера с автором. Иногда диалог оборачивается спором и баталией, но нынешний «Самоубийца» — не тот случай. Тут уместнее слово «роман»: режиссер в автора влюблен, это чувствуется и это, пожалуй, подкупает. Здесь пиетет и почти никакого нахальства: спектакль следует за текстом пьесы (а в ней-то нахальства хватает!), сохраняя все ее значимые позиции, оберегая авторскую интонацию. Может быть, следует даже чересчур старательно: второе действие получилось несколько перегруженным и затянутым. Впечатление в итоге оказалось немного смазанным, и это досадно, учитывая, что ко второму акту пьесы Эрдмана разгоняется, достигает кульминации, смещаясь из области комедии в трагическую плоскость. Трагедией, видимо, решено было зритель, по возможности, не пугать: сгущающийся мрак происходящего на сцене были призваны развеять интермедии со старушками, чья роль по сравнению с оригинальным текстом была существенно расширена. Бабушки в итоге сильно напомнили незабвенных Веронику Маврикиевну и Авдотью Никитичну, только с внезапно

пробудившимися акробатическими способностями. Что сказать — публика была довольна.

Актеры, как и следовало ожидать, сыграли по-разному. Исполнителей главных ролей упрекнуть не в чем: они выложились полностью, с абсолютной самоотдачей.

Несколько слов о сценографии: декорации, свет, звук, костюмы — здесь, пожалуй, все на высоте. Мрачная, в графитовых оттенках, сцена со смещенной перспективой выглядит в самом лучшем смысле слова внушительно. Хорошо вписались в сцену и березки, которые на предварительных фотографиях вызвали недоумение: благодаря им интерьер квартиры Подсекальниковых приобрел дополнительное измерение, этаким храмом с колоннами, светлыми, но живыми. В целом условное оформление хорошо рифмуется с условностью действия пьесы, покатым пол — с неустойчивостью мира ее героев. Герои, пусть с трудом, но на ногах держались, стулья иногда падали. Было ли это частью режиссерского замысла либо действием бесконтрольного закона тяготения — осталось тайной. ❏

Ольга Скубач

Уютный бенефис

Комедия «Как бы нам пришить старушку», премьерные показы которой прошли на малой сцене музыкального театра Алтая 16, 17, 18 апреля, стала одновременно бенефисом для актеров Ларисы Владимировой и Леонида Титова.

На сцене — выдавший виды скрипучий двухэтажный особняк. Он же — «прекрасный дворец для двух одиноких сердец». Как посмотреть. У хозяйки «дворца» странной Памелы Кронки (артистка Лариса Владимирово) как раз необычный угол зрения на все и вся. Коротая свой век в компании с облезлым котом Тэннером, сердце которого так же одиноко, как и его хозяйки, она видит в людях только хорошее. Представить внутренний мир старушки-отшельницы не так сложно, волшебный свет, посылаемый в ее обитель, поможет в этом. По маленькой сцене бродят тени, придавая комнатке миссис Кронки, в обстановку которой органично вписывается живописная груда предметов, подобранных на свалке: связки книг, часы, спасательный круг — объемность, таинственность. Глубокий космический фиолетовый цвет украшает ночь, выбранную Памелой для письма к Богу; жаркие пятна прилипают к старым фотографиям на стене, мягко подсвечивая в густой темноте семейный киот, согревая святой уголок былого счастья. Свет (художник по свету Надежда Зуева) в мюзкомедии как всегда на высоте, работает интерьерно и эмоционально.

Традиционно нравятся мне декорации Алёны Муравьевой, они всегда с секретом-сюрпризом, всегда полифункциональны. В «Старушке» художник-постановщик, запустив действие по вертикали — вверх по лестнице на второй этаж и вниз в подвал, значительно расширяет тесноватое сценическое пространство, а используя «кулису» на втором этаже, за которой исчезают герои, отправляясь в дальние комнаты, вызывает виртуальный образ большого дома, где хватит места всем: и Памеле с котом, и Человеку театра (артист Леонид Титов), и троице прибывшимся к миссис Кронки аферистам.

Сол Бозо (заслуженный артист России Дмитрий Иванов), Брэд Винер (Михаил Лямин) и Глория Гулок (артистка Ирина Басманова)

решают, предварительно застраховав чудаковатую старушку, помочь отправиться ей в мир иной. Но доброта пожилой женщины растопит сердца злодеев, отвязная троица полюбит Памелу — все закончится хорошо, как в сказке.

И хотя изначально понятно, что старушку не пришьют, поскольку это просто невозможно по закону жанра музыкальной комедии, история, в которой юмор переплетен с грустью, вальсовые мелодии с ритмичными танцевальными, а в жизнь постояльцев особняка постоянно врывается человек, разыскивающий сценарий, смотрится с неослабным интересом.

Режиссер Татьяна Столбовская представляет спектакль в размеренном темпоритме, счастливо минуя необязательные моменты, и оттого слаженное действие легко воспринимается зрителем. Она действует любимых, хорошо известных барнаульской публике артистов и прекрасно совмещает их амплуа с характерами персонажей. Постановка весьма уютна в своей традиционности и для актеров, и для зрителей.

Особенно хороши в музыкальной комедии бенефицианты — Лариса Степановна Владимирово и Леонид Геннадьевич Титов, выражаясь театральным сленгом: роли идеально легли на них.

В череде грамотно выстроенных мизансцен есть особенно удачные.

Таков, к примеру, танец Памелы и Сола, исполняемый под песенку «Пластинка старая, как жизнь моя», в котором Дмитрий Иванов артистически и одновременно бережно вращает продуктовую корзину на колесиках и сидящую на ней Ларису Владимирово. Говоря об этом элегантном эпизоде, нельзя не вспомнить о балетмейстере Оксане Мальшевой.

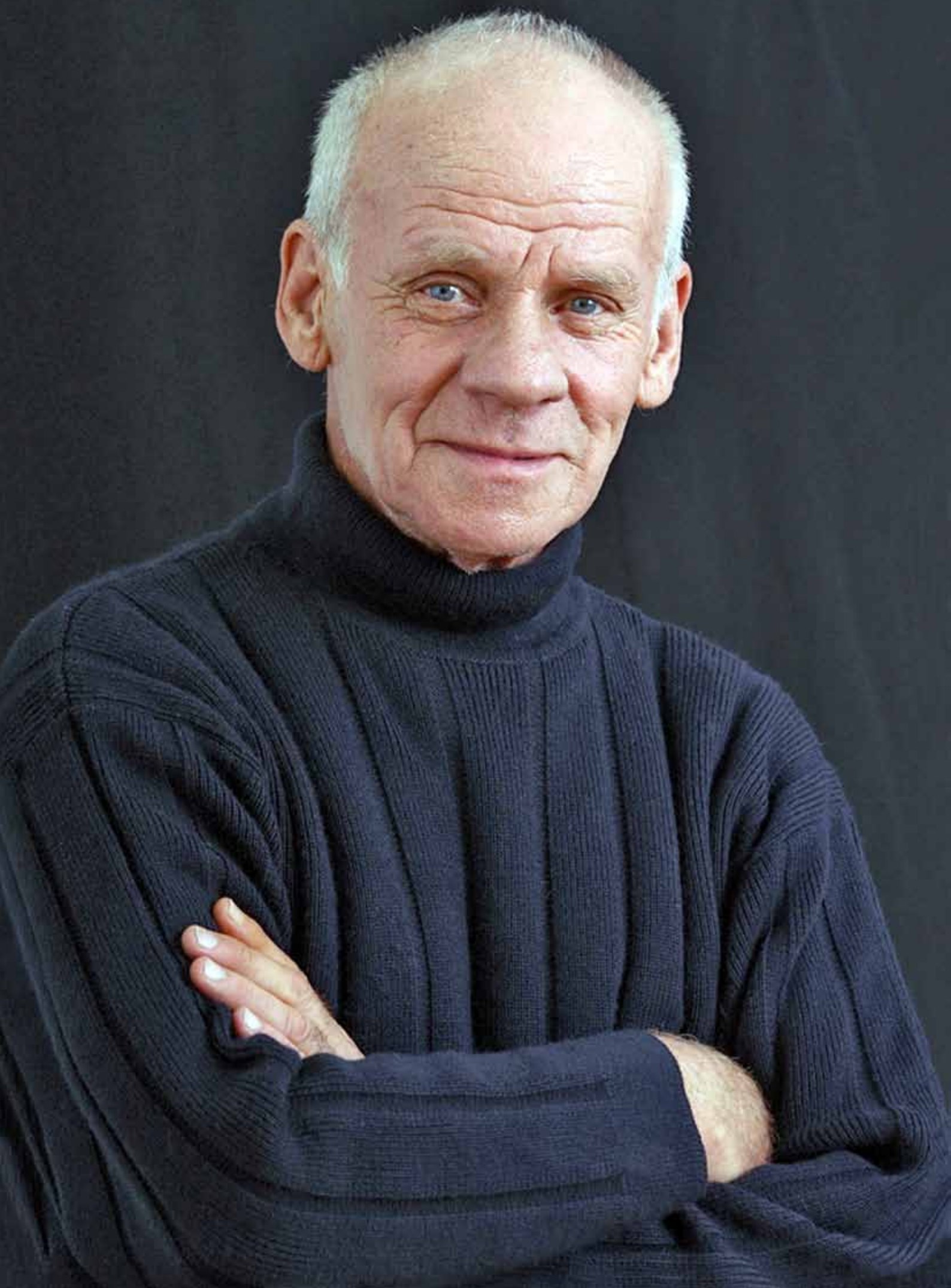
Музыкальная пьеса «Как бы нам пришить старушку», более всего похожая на старую добрую сказку, — история для всех. А в случае, «...если вы нахмурились выйдете из дома» или с работы, то она просто показана вам в качестве лечебного средства. Тусклые, вымотанные, усталые люди после знакомства с добросердечной Памелой Кронки выходят из театра, напевая несложный танцевальный мотивчик, с улыбкой и легким сердцем.

Думается, в меньшей степени душецелительна постановка для исполнителей ролей Памелы Кронки и Человека театра — Ларисы Владимирово и Леонида Титова. В исключительном, поставленном по юбилейному поводу спектакле невероятно ценен уважительный и благодарный тон: театр чтит талант и заслуги актеров (истинно, людей театра), служащих алтайской музыкальной сцене более срока лет. ■

Лариса Вигандт

Памела Кронки — актриса Лариса Владимирово, Человек театра — актер Леонид Титов. Фото Виктории Белоусовой предоставлено театром

Актер Вадим Сеницын больше сорока лет служит в Алтайском краевом театре драмы

«Я сыграл то, что хотел»

текст **Елена Кожевникова**

Актерская природа Вадима Сеницына необыкновенно пластичная: надо сыграть еврея — пожалуйста. Надо сыграть русского помещика, немецкого гофмаршала или обитателя лондонских трущоб — не вопрос. Не говоря уже о сказочных персонажах со всего света. Неслучайно благодарная публика присвоила любимому актеру титул «барнаульского Чарли Чаплина».

Вадим Сеницын родился в 1940 году в Нижнем Новгороде. Когда ему было десять лет, он увидел на сцене ТЮЗа спектакль «Девочка ищет отца». Театральная постановка произвела на мальчика очень сильное впечатление. Но по окончании школы Вадим идет на завод и два года работает на закрытом предприятии: белый халат, приличная зарплата, заманчивые перспективы. Но мечта об актерской профессии настойчиво напоминает о себе. И в 1976 году Вадим поступает в театральную студию В.Б. Марецкого при Красноярском музыкальном училище. Будучи студентом второго курса, Сеницын начинает работать актером в Красноярском театре драмы имени А.С. Пушкина. Там он и сыграл свою первую роль — слуги — в спектакле по пьесе Лопе де Вега «Дурочка». И начал репетировать роль Ивана в спектакле «Перед ужином» по пьесе Виктора Розова. И все складывалось вроде бы хорошо, но Вадим принимает решение уехать из Красноярска. Через некоторое время Сеницын все-таки встретится с актуальной по тем временам драматургией Виктора Розова. Он сыграет и Олега в «Поисках радости», и Афанасия из пьесы «В добрый час!», но это будут уже другие театры и другие города. Что ни говори, профессия актера бродячая исстари. А театр — он везде театр. Место открытое. Люди приходят, мелькают, исчезают, забываются. Редкий случай, когда судьба человека срастается раз и навсегда с судьбой выбранного театра. География творческих странствий Вадима Сеницына обширна: Красноярск, Сызрань, Фергана, Тюмень, Воронеж, Калининград, Бийск, Барнаул.

— А какой сильный театр был тогда в Бийске! Какие талантливые актеры там работали! — делится воспоминаниями Вадим Трифонович. — Режиссером был выпускник ЛГИТМИКа Виктор Хоркин. Его потом пригласил к себе на работу Игорь Горбачёв, главный режиссер Александринского театра. Они к нам приезжали на гастроли.

Да, я помню это счастливое театральное время. Каждый год в Барнауле гастролировали столичные театры: Малый театр и театр имени Моссовета, театр на Малой Бронной и театр Маяковского, Александринский театр и театр имени Станиславского. Идешь

**Вадим Трифонович Сеницын награжден почетным знаком
Министерства культуры Российской Федерации
«За достижения в культуре».**

по Ленинскому проспекту, а навстречу тебе — Владимир Коренев, человек-амфибия, или Георгий Тараторкин с Маргаритой Тереховой. Сейчас можно сказать, что это было в другом веке.

Вот в этом, другом веке, в 1977 году, я и начал работать в Алтайском краевом театре драмы. И сразу получил две роли. Роль Шута в спектакле «Василиса Мелентьева» по пьесе Александра Николаевича Островского и роль Хомутова в «Провинциальных анекдотах» Александра Вампилова.

Лёнька. Спектакль «Твой ровесник»

А потом как покатило! Смотрю репертуар тех лет. Редко какой спектакль обходился без участия актера Сеницына. И режиссеры — то разные, каждый со своим видением театра, а берут в спектакль вас. Что это? Везение или ваша потрясающая самобытность? Сценическое обаяние или безлимитный актерский диапазон?

Скорее, безлимитка.

Свыше ста шестидесяти разноплановых ролей?!

Так уж получилось. Я не виноват! (Смеется). Однажды на репетиции режиссер Владимир Чертков сказал про меня: «Я вижу, у человека есть желание работать.

Исаак Мендоса в спектакле Ричарда Шеридана «Дуэнья»

Это — главное! — а потом добавил уже конкретно мне: — Твои гамлеты от тебя не уйдут».

Как точно. Вы ведь играли потом и в «Гамлете», и в «Ромео и Джульетте», и в «Сне в летнюю ночь». А когда пришел Владимир Золотарь, то сразу дал вам главную роль Дэвиса в спектакле по пьесе Гарольда Пинтера «Сторож». Очень интересным был спектакль. Он вызывал неоднозначные чувства. В нем было нечто пророческое. На мой взгляд, сегодняшняя жизнь некоторых европейских стран, впусивших к себе дэвисов, вполне может восприниматься как иллюстрация к «Сторожу».

Сегодня я не стал бы так играть Дэвиса. А тогда я его пожалел и некоторые черты характера смягчил.

Это уже был немного другой человек, нежели в пьесе Пинтера. Я все время пытался понять Дэвиса, очеловечить. Но он родился гнидой. Люди его приютили, дали кров, а он еще ножом угрожает, чего-то требует. Дэвис рано или поздно всех уничтожил бы. Ему прямо говорят: «Как ты пришел в этот дом, с тех пор здесь одни несчастья. Ты ведь никто иное, как животное, если присмотреться. Ты — варвар». А Дэвис настойчиво канючит свое: «Что мне тогда делать? Куда идти?»

Мне кажется, что Дэвис и 1-й подмастерье из спектакля «Войцек» очень похожи по своей человеческой сути. По чувству ненависти и презрения к людям. Разница лишь в том, что ваш персонаж в «Войцек» еще и философ, оправдывающий нищету и жестокость нашей жизни.

Да, я уловил в его речи фашистские нотки. С какой убежденностью и доморощенной простотой он утверждает, что Господь создал то, во что мы превратили нашу жизнь. «Чем бы жил портной, если б господь не внушил человеку, что в наготе срам? На что бы жил солдат, если б господь не вдохнул в него жажду битвы?»

«Войцек» был провокативным спектаклем. И не все зрители были к этому готовы. Зато актеры пошли за режиссером и не проиграли. А вот ваш Сорин в спектакле «Чайка» был совершенно другим человеком. Добрым, чутким, деликатным. С какой мягкой иронией он говорил о себе. «В молодости хотел я сделать литератором... Хотел жениться — и не женился, хотел всегда жить в городе — и вот кончаю свою жизнь в деревне». А еще Сорин был человеком влюбчивым. Помните, как он признается в этом, говоря о Нине Заречной.

Он был человеком интеллигентным. Одиноким, старым, больным, но к людям относился бережно.

Мне посчастливилось недавно посмотреть подряд два спектакля, где вы играете. На одном я плакала, на другом смеялась.

Это какие же спектакли?

«Последняя любовь» в режиссуре Ильи Ротенберга и «Моя профессия — синьор из высшего общества»

Сцена из спектакля «Ретро» по пьесе Александра Галина. Вадим Синицын в роли Николая Михайловича Чмутина.

Фото предоставлено театром

Владимира Черняева. Очень интересно наблюдать игру актера в контрастном освещении.

Ну и как?

Сколько ни смотрю спектакль «Последняя любовь», он всякий раз проникает в меня так глубоко, что я ощущаю личную причастность к судьбе героев этой истории. Во мне (и это очень серьезно) пробуждается генетическая память о Второй мировой войне. Илья Ротенберг — режиссер тонкой организации, абсолютного слуха, малейших душевных вибраций.

Да, он работал с нами очень подробно, насыщая диалоги героев пережитыми испытаниями в годы Второй мировой войны. Память во многом определяет отношения человека с окружающим миром.

Когда ваш герой, Марк Терцивер, ироничный и мудрый еврей, в опрятном костюме, в шляпе, под которой кипа, получает известие от друга Гарри Бендинера, что тот женится, веселью нет предела. Ах, как вы хорошо танцуете еврейский танец! Пластично, точно, легко, радостно. У вас счастливые лица. А через некоторое время ваш герой получает известие о гибели Этэля. В этот момент мне кажется, что он кричит в телефонную трубку: «Этого не может быть!» всему миру. И варшавскому гетто, где он чудом выжил в том числе. И колючей проволоке, и черному дыму крематориев... «Этого не может быть!» А у меня ручьем текут слезы. И не потому, что я кисейная барышня, а потому что это наша общая судьба.

А на каком спектакле вы смеялись?

На «Синьоре из общества», конечно! Я когда-то, давным-давно, смотрела этот спектакль в Новосибирске в постановке В. Черняева. И декорации те же, столетней давности, сильно «потрепанные временем», и узнаваемые режиссерские придумки, и мизансцены. Но! Наши актеры способны «переиграть» все что угодно и сделать зрелище довольно забавным. А ваш Дедушка — вообще класс! Его привезли в инвалидном кресле. Ему 94 года. Он что-то поет на непонятном языке. Очень забавно и смешно поет. На Дедушке — курточка с «попугаем» на плече и с елочными украшениями. На голове — соломенная шляпа. Дедушка похож на заводную куклу, которая поет или плачет, — стоит только снять с нее шляпу. И плачет-то Дедушка так по-детски, безумно и трогательно... Фарс! Но без грубости и унижения по отношению к инвалиду. Я бы сказала: «Это — деликатный фарс!»

Мне вообще нравятся роли, где есть простор для актерской импровизации. Дедушка у меня всегда чуточку другой, в зависимости от общей атмосферы игры, а она на каждом спектакле разная. И публика — тоже разная. И когда актер улавливает дыхание зрительного зала, тогда и возникает единое пространство игры.

На чем, собственно, все и держится. Что зритель взял от спектакля, то и есть его содержание. Ни больше ни меньше. Вот, например, спектакль «Пленные души» режиссера Алексея Логачёва. Вы там играете Валерия Брюсова. И весь спектакль, считай, сидите в кресле и наблюдаете за происходящим. Вокруг вас молодые поэты. «Тень несозданных созданий колыхается во сне». Мы — зрители и вы — зритель. Выходит, так? На первый взгляд. А на самом деле все чуточку по-другому. Вся эта история про Блока, его маменьку, Любочку Менделеву — ваш плод воображения. Это вы Валерий Брюсов — автор проявленного послания. И это вы выпускаете «пленных духов» на свободу.

Вот вы как поняли спектакль? Интересно.

Так это же считается по мизансцене. Иначе зачем вы здесь сидите и обволакиваете нас своими

мыслеобразами? В одном из отзывов на спектакль вас сравнили с Воландом. И не надо отмахиваться от прелетевшей мысли. Ее надо держать.

Вот этим-то и отличается работа на подмостках театра от работы перед камерой. Непрерывностью процесса сценической жизни. Чуть в сторону и остается только текст.

В фильме «Танк "Клим Ворошилов-2"» лицо Вадима Синецины часто показывают крупным планом. Умные смелые глаза. Доброжелательная рассудительность в общении с людьми. Настоящий русский мужик, всегда готовый прийти на помощь. Он-то и организует спасение танка, увязнувшего в реке: «Воротом надо пробовать. Воротом, — призывает людей на подмогу. — Ну, кто еще есть? Подходите, люди. Подходите». Несмотря на покалеченную ногу, впрягается в упряжку вместе со всеми. Ценой нечеловеческих усилий танк вытаскивают из реки. Фильм

Вадим Синецин в фильме «Танк "Клим Ворошилов-2"»

режиссера Игоря Шешукова «Танк "Клим Ворошилов-2"» снят в 1990 году на киностудии имени М. Горького, и до сих пор он возвращает к себе откровенной жесткой правдой о первых днях войны, рассказом о характере русского человека, о его проявлениях в экстремальных ситуациях.

А потом у актера была незабываемая встреча с режиссером Александром Миттой. В многосерийном фильме «Лебединый рай» Вадим играл роль дяди Гриши, музыканта местного духового оркестра, человека щедрый, открытой души, балалаечника и плясуна.

В киноархиве Вадима Синецины шесть российских фильмов и два, снятых с зарубежными коллегами из Канады, Японии и Германии. Это — «Первый отряд» и «Одиссея капитана Блада». Смотришь их, радуешься и печалишься одновременно. И вот почему. Во многих драматических театрах, в зрительском фойе, отдельное место занимает информация об актерах, снимавшихся в кино. Все как положено для поднятия престижа театра. Что ни говори, а фильмы со «своими» актерами смотрятся с особой гордостью.

Актер — главное художественное достояние театра. ❏

Спектакль Алексея Шавлова по пьесе Оскара Уайльда «Идеальный муж», поставленный на сцене краевого театра драмы, красочен, динамичен, полисемичен

ШАВЛОВ

Алексей Николаевич,
режиссер-постановщик.
Родился в 1982 году
в Минске

2014 — окончил
РУТИ-ГИТИС
(мастерская профессора
С.В. Женовача)

2016 — окончил
магистратуру
Школы-студии МХАТ.
Защитил диссертацию
об эксцентрических
жанрах в театре

Смысловые гвозди — у всякого свои

СВОЕЙ ДОРОГОЙ

Алексей, прежде вы ставили спектакль «Идеальный муж» в Москве. У него есть такое описание: смешно, остроумно, сексуально, эротично. Для барнаульской постановки вы оставили бы эту характеристику?

Это не моя характеристика. Это взгляд со стороны, она имеет место быть. Я не ставил себе таких задач, это то, что получается в результате. Я не направляю специально на это усилия, это происходит само собой.

А на что вы направляете усилия?

Я направляю усилия на историю, которая меняет персонажей, переводит их судьбу с одного регистра в другой. Это моя цель. Дальше я ищу средства как это выразить интересно, непривычно, неожиданно по отношению к традиции воспроизведения текста Уайльда на сцене.

Несколько ваших спектаклей сопровождает строчка «вольная фантазия». Кроме того, вы защитили диссертацию «Эксцентрические

жанры в театре». Вы сторонник фантазии и эксцентрики?

В первую очередь эта диссертация посвящена Санкт-Петербургскому театру «Фарсы». Через опыт этого театра я пытался разобраться в вопросах эксцентрического театра. Это то, что меня впечатляет в театре, когда это сделано круто. И дальше эти впечатления прорастают в собственном творчестве, к этому лежит душа.

Ваш мастер — Сергей Женовач, это должно сильно влиять. Вы ему

подражаете или совсем свободны и самостоятельны?

Надеюсь, что я никому не подражаю. Хочется в это верить. После Женовача и ГИТИСа у меня была магистратура, два года МХАТа, где я, условно говоря, убил в себе мастера. Это нормально, когда пять лет взаимодействуешь с человеком, очень крупной личностью, доверяешь ему, иначе учиться довольно сложно, ориентируешься на него, и в своей работе порой ловишь себя на том, что это говорит как бы Женовач, мне кажется, все через это проходит. Следующий важный этап — преодолеть эту зависимость. Магистратура мне в этом помогла. Оставив все фундаментальное, я пошел по своей дороге.

Давно не приходилось видеть на сцене столь насыщенного пластического языка. Пластика вашего спектакля вызвала ассоциацию с постановкой Римаса Туминаса (обожяемого мной), с его «Ревизором», в котором вся средняя часть сделана на пластических метафорах. А кто из современных коллег-режиссеров интересен вам?

Мне все интересно, все откликается. Мне безумно интересно то, что делает Андрей Могучий в Петербурге, и Крымов, и Сергей Васильевич Женовач, и Юрий Николаевич Бутусов, который тоже на курсе преподавал, и Виктор Рыжаков, у которого я учился, — он сейчас в невероятной форме. Благодаря Интернету есть возможность смотреть и то, что происходит не в российских театрах. Я для себя открыл, например, Михаэля Тальхаймера. Его спектакль «Эмилия Галоти» я дважды пересматривал. Спектакль идет на немецком, языка не понимаю, никакого дубляжа — рыдаю. Удивительно. Фантастика.

ДВА ТЕКСТА

Я увидела в вашем спектакле два текста: непосредственно текст пьесы Уайльда и режиссерский текст, который выражен в пластическом языке. И они нетождественны.

Я иду от истории, от драматургии, от того, что происходит между людьми, и это вступает в противоречие с тем, что люди говорят. Для меня ценно, когда актеры играют не первый смысл слов, а другие смыслы, которые переворачивают смысл слов. В случае с Уайльдом это так и должно быть, мне кажется. Его жизнь — сплошной перевертыш: по отношению к себе, к тому, что он

говорит, что делает, по отношению к тому, как его жизнь заканчивается. Он живет двойной жизнью.

Как сочинялось пластическое действо? Совместно с актерами?

Конечно. Четверку фиппсов подсказал художник Алексей Вотяков. Идея родилась исключительно из функциональных задач: нужно двигать декорацию, и дальше вопрос: кто это будет делать? Возникла идея — четверо молодых артистов, но если артист вышел на сцену, то как не дать ему «поиграться»?

Вот еще что интересно: «эксцентрический» в математике имеет значение «отсутствия центра». Мне показалось, что в вашем спектакле центр «блуждает». В первом акте главной героиней воспринимается Чивли, которую играет Мария Сазонова, во втором — акцент переносится на леди Чилтерн в исполнении Анастасии Дунаевой. В определенных мизансценах главными становятся сэр Роберт — Дмитрий Чижук, лорд Горинг — Геннадий Тихонов. Все поочередно становятся центральными персонажами.

В этом и сила большой драматургии, в ее полифоничности. Но я не соглашусь внутри себя, что в постановке нет центра. Центром для меня является чета Чилтерн. Они проходят через испытание и не справляются с ним. Все остальное, так или иначе, подсвечивает эту историю. Но, подсвечивая, эти «фонари» в какой-то момент становятся самодостаточными, мы прочитываем дополнительно их биографии. И здорово, что так получилось в спектакле, я этому рад.

Несколько молодых актеров впервые получили в вашем спектакле центральные роли: Мария Сазонова, Геннадий Тихонов, у Екатерины Бояровой и вовсе дебют. Оправдали они ваш режиссерский запрос?

Они жадно набросились на работу. Они приняли мой рабочий режим, хотя это было непросто, потому что есть текущая жизнь театра, нужно играть спектакли, репетировать вводы и осваивать толщу нового текста, что тоже немало важно. Я чувствовал крутую самоотдачу, желание работать. Пускай непонятно — но будем делать; какой-то бред — но будем пробовать. А до последнего было непонятно, потому что пьеса строится из двойных и тройных сцен, и первые два с половиной месяца шли репетиции по сценам. Ощущения целого ни у кого не было. Ближе к финишной прямой у всех возникла тревога, напряжение (я был готов к этому),

но при всем при том я чувствовал доверие и не чувствовал сопротивления. Актеры выполняли поставленные задачи без лишней разрушительности, которая может возникнуть, когда актер чего-то не понимает. Такое бывает, и это может затормозить, а иногда и сломать спектакль. Доверие ко мне было полным. Я его чувствовал от всех, включая заслуженного артиста Тимошенко. Эдуард Викторович с готовностью включился в трюки с Геной Тихоновым, азартно фехтовал и вообще часто давал фору молодым артистам.

Спектакль требует от актеров значительных физических затрат на фоне произнесения монологов. Скажу, что была удивлена (особенно в первом акте) тем, что текст проговаривается четко, что слышно и понятно каждое слово. Между тем традиционно слабым местом молодого поколения актеров в нашем театре считается речь. Как строилась работа в этом отношении?

Спектакль затратный по всем параметрам, и молодым актерам еще нужно учиться распределять свои силы в этом спектакле. Что касается речи, я не занимаюсь этим специально, это самостоятельная работа актеров. Я вместе с артистами сочиняю сцену, а потом мы идем как бы слоями. Мы ее разбираем, пробуем, придумываем форму. Из слоеного подхода, наверное, и возникает та вынятность, о которой вы говорите. Кстати, насчет слышимости в зале есть разные мнения, возможно, это зависит от места в зале. Нужно сказать, что премьера прошла удачнее сдачи. На сдаче спектакль собрался, но еще не заискрился, а на премьере начало проступать то, что должно, через артистов в первую очередь. На сдаче зал мне показался тяжелым, хотя в моем опыте он всегда очень доброжелательный, а на премьере зал был внимательным.

МОЙ ЗРИТЕЛЬ — ЭТО Я

Не испытываете ли вы опаски, когда ставите спектакль в провинции?

У меня нет ощущения, что я в провинции. Прикоснувшись не к Москве и не к Санкт-Петербургу, я не понимаю, что такое провинция. Если дороги, так и в Москве есть места не прилизанные.

Скорее, в глубинке другой зритель.

Мне нужно здесь подольше пожить, чтобы понять, какой зритель. Зритель, мне показалось, здесь разный. И в моем случае это был

внимательный зритель, вдумчивый. Ощущение: я смотрю, я, может быть, не все понимаю и не сразу въезжаю в эстетику, что-то странное происходит, но я буду смотреть и постараюсь понять. Меня подкупило это уважение зала к тому, что происходит на сцене. И честно говоря, я не думаю о том, какой зритель меня будет смотреть. Это не моя задача. Если я начну об этом задумываться, я остановлюсь, как сороконожка. Мне нужно делать историю, увлекать артистов, ковыряться в драматургии, театральных вещах. Мой зритель — это я сам (как у всех режиссеров). Если мне нравится, то понравится и еще какому-то количеству людей.

В чем ваш режиссерский посыл к публике?

В том, чтобы любили театр, доверяли тому, что видят, любили

красивых артистов на сцене, драматургию, варились в культурном поле, которое, как мне кажется, делает жизнь богаче и в конечном итоге делает людей более чуткими друг к другу. Это в широком смысле как художника. Что касается этого спектакля, то мне не хочется все сводить к одному месседжу, есть мои ощущения — я ими делюсь, есть вопросы, которые я ставлю, и мой взгляд на пьесу — ответы зритель получит, глядя на спектакль. Самое интересное — это тот спектакль, который возникает в голове и душе зрителя, он возникает у каждого свой. Я уже слышу какие-то неожиданные интересные трактовки сцен. Например, сцена с отрубанием конечностей у Горинга...

Интригующая и странная сцена...

Это моя фантазия на тему женской ярости. Вот женщина, ее

оставили, у нее на карте стоит все — и финансовое, и личное благополучие. Она все теряет, и в первую очередь личное. А дальше — фантазия на тему того, на что способна женщина в ярости. Один зритель так объяснил мне эту сцену: я понимаю, что это та рука, которую Чивли предлагает Горингу, и она же ему ее и отрубает. Вот как круто. Но я не думал об этом. Однако восприятие зрителя имеет место быть, оно вьется вокруг той же темы. Не хочется заколачивать смысловые гвозди, пускай они у всякого будут свои.

ТВОРЧЕСКИЙ ПИНГ-ПОНГ

Хочется отметить работу со светом, иногда он становится интересным, создает новое пространство. Особенно хороши сцены в черно-серо-белом монохроме и одна из начальных мизансцен, в которой герои на заднем плане «оформлены» в контровик, а на переднем — мягко освещена чета Чилтерн.

Это уважение художнику по свету Алексею Крючкову, он трудится во МХАТе имени Чехова. Он профессиональный художник по свету, с которым я уже не первый спектакль сочиняю.

Во втором акте на сцене появляются репродукции колумбийского художника Федерико Ботеро. Почему он? Что вы хотели сказать?

В данном случае мы говорим о пространстве художника-постановщика Алексея Вотякова. Он предлагал какие-то варианты, обсуждали. Это такой творческий пинг-понг. Художник присылает эскизы: о, хорошо, картины, а что если это будут видеоэкраны? От экранов все же отказываемся. А давайте эти картины будут работать еще как окошки. Мне как режиссеру все это хочется вплести в действие. Вот так это происходит, ищется энергетика, игровая возможность.

Кроме того, эти картинки — средство характеристики героев.

Мы это поняли, когда увидели картинки на сцене. Роберт — голенький мальчик, Мэйбл — для меня девушка со станком. Гертруда — та, что на афише. Женщина на быке — это Горинг и Чивли.

В спектакле много музыки. Как создавалось музыкальное оформление?

Во многом благодаря Паоло Соррентино, «Великая красота», я обожаю этот фильм, выпущенный в 2013 году. Ряд треков

Сцена из спектакля «Идеальный муж». Мисс Мейбл Чилтерн — артистка Екатерина Боярова, сэр Роберт Чилтерн — артист Дмитрий Чижук, леди Чилтерн — Анастасия Дунаева, граф Кавершем — заслуженный артист РФ Эдуард Тимошенко. Фото Олега Чекушкина, Алтайский краевой театр драмы имени В.М. Шукшина

позаимствованы оттуда. И там, и здесь история про богему, поэтому они во мне сошлись: Уайльд, Соррентино, «Американо», мое детство — «What is Love». Музыка — это ощущение. Пробеушь, листаешь треки, вот попало в настроение. Это очень индивидуально. Мечтаю поработать с композитором. У меня был один опыт, правда, это была такая коллаборация, несколько режиссеров, лаборатория. Мечтаю и опасуюсь, потому что если сейчас я подчиняю музыку своим интуитивным предчувствиям, то в ситуации с композитором я должен буду подчиниться ему, а тут должны сойтись и моя интуиция, и драматургия, и способ выражения, и настроение музыки.

При том, что героев в пьесе немного, вы расширяете место действия, с помощью подиума захватываете половину зрительного зала. Вам по-режиссерски важно владеть значительной театральной территорией?

Подиум — предложение Алексея Вотякова, и мне оно понравилось. Уайльд, мода — почему бы нет. При том что Алексей сочинил фантастические костюмы. И это все хочется видеть, слышать шелест материи. Это все вопрос поиска театральной энергии, интересных возможностей. Здесь все утилитарно и интуитивно, без концептуальных заморочек.

Алексей, согласитесь ли вы с тем, если ваш спектакль назовут провокативным?

У меня не было задачи провоцировать. Если кого-то это провоцирует или шокирует, то это вопрос несовпадения вкусовых моментов и ожиданий от театра. Совершенно нормально, что не все совпадают

Лорд Горинг — артист Геннадий Тихонов, мисс Мейбл Чилтерн — Екатерина Боярова.
Фото Олега Чекушкина, Алтайский краевой театр драмы имени В.М. Шукшина

с моим спектаклем. Мне хочется верить, что спектакль получился легким, развлекательным в какой-то степени.

А мне показался «говорящим» финал: все благополучно внешне, а на самом деле — горько. В моем восприятии — не комедия, как обозначено в программке, но социально заостренная постановка.

Жанр — история условная. Когда мы сочиняли спектакль, то мой внутренний жанр и жанр нашей компании назывался «цирк слесарей». Хотелось дурацкой радости, фантазии при том, что мы не забываем про разные «вертикальные смыслы». В программке так спектакль не назовешь. Для людей, знакомых с Цирком дю Солей, это

было бы понятно, но не все его знают. Комедия — общая история и не то, о чем я думаю, когда работаю. В результате получилась, как вы говорите, остро заточенная драма, и слава богу. Но люди при этом смеются, значит, комедия — и тоже хорошо.

За что вы любите пьесу Уайльда?

За ее внутренний темперамент, который мне захотелось вытащить. Он иногда не просматривается за текстовой толщей и за некоторыми стереотипами поведения людей того времени. И она крепкая, классная, композиционно идеальная. Хотя я вычеркнул пару персонажей. Но, может быть, я не дорос до них. ❏

Беседовала Лариса Вигандт

Галина Аксёнова, театровед: «Занесла меня судьба в Барнаул. Вечером решила пойти на премьеру "Идеального мужа" в театре драмы. Поставил Алексей Шавлов, ученик Женовача и Виктора Рыжакова. Полный зал. Свободных мест нет. Я, к сожалению, не видела московский спектакль Шавлова, в котором играет моя бывшая ученица, замечательная Екатерина Головина, поэтому не могу сравнивать. Но здешняя работа Шавлова мне понравилась. Конечно, хочется попридираться и к насыщенной пластической партитуре, попросить добавить текстуральной внятности, тем более, что диалоги Уайльда — сборник афоризмов, которыми персонажи сражаются, как на рапирах:

Сэр Роберт Чилтерн. Вы предпочитаете быть естественной?

Миссис Чивли. Иногда. Но это очень трудная поза — долго не выдержишь!

Лорд Горинг. Я хочу дать вам добрый совет.

Миссис Чивли. Ради бога, не надо. Никогда не надо дарить женщине то, чего она не может носить по вечерам.

Однако придирки не так важны, как удовольствие от молодой клоунады, где остроумные трюки наступают на пятки друг другу, где жест актеров обнажает скрытый смысл светских диалогов, где фраза Лорда Горинга: "Любовь к себе — это начало романа, который длится всю жизнь" — может быть применена к любому персонажу, а посему диалоги невозможны, и герои общаются, не глядя друг на друга, развернутые в разные стороны, как одинокие головы двуглавого орла. И, несмотря на всю наглую веселость и кажущийся цинизм, в финале проступают драмы героев. А кроме того, актеры, декорации и свет хорошо играют. После спектакля зал вскочил и зашелся в овациях, однако одна пара упрямо осталась сидеть и всем своим видом демонстративно осуждала современный театр».

Сцена из спектакля Общества любителей драматического искусства А.А. Лесневского. 1898. Из личной коллекции В.В. Будянской

В выставочном зале Государственного архива Алтайского края 16 апреля 2019 года состоялось открытие выставки документов «Театральные страницы Алтая», посвященной Году театра в России

Театральные мемуары

текст **Дарья Полякова**

Через уникальные архивные материалы посетители выставки знакомятся с историей театра, берущей свое начало в Барнауле еще в XVIII веке. Это подлинники и копии делопроизводственной документации, письма дореволюционного периода, решения и распоряжения органов исполнительной власти, а также афиши, плакаты, программки спектаклей, эскизы костюмов и декораций к спектаклям, подшивки газет, фотодокументы.

Документы свидетельствуют, что в Барнауле «театральный дом» был построен в 1776 году¹, он оказался первым в Сибири. Его еще называли по-столичному «оперным домом». К слову, главный театр страны — Большой — ведет свою историю тоже с 1776 года. Театральное единодушие, разделенное сотнями верст, вполне объяснимо. Идея светского театра пришла в Барнаул

¹ГААК. Ф. 5. Оп. 1. Д. 830. Л. 24 об.-25.

с самой молодой и просвещенной российской сцены — ученической сцены Санкт-Петербургского Кадетского корпуса. Начало театральным традициям дали «кадетские сержанты», которые прибыли на Колывано-Воскресенские заводы в 1761 году под начало горного командира Андрея Ивановича Порошина². По мнению историков, именно они явились организаторами и строителями первых театральные представлений в Барнауле.

С тех пор театр прочно вошел в жизнь барнаульцев. Даже после того, как театральные здания пришли в негодность и «по ветхости» его надлежало «разломать» (цитируется по документу 1817 года. — Д.П.)³, театральная жизнь в Барнауле продолжалась. Спектакли ставились в помещениях Алтайского горного собрания, Барнаульского общественного собрания, в одном из помещений закрытого в 1893-м Барнаульского завода («заводской театр»), на летних площадках города. В 1900 году торжественно был открыт Народный дом, надолго ставший центром театральной жизни. Спектакли ставили непрофессиональные актеры. Сначала это были члены Благородного любительского театра горных офицеров, в 1897-1913 годах — участники Кружка любителей драматического искусства во главе с Александром Адольфовичем Лесневским, а с 1884 года на сцену вышел любительский театр школьного Общества попечения о начальном образовании, возглавляемый Василием Константиновичем Штильке.

По оценкам многих современников, в конце XIX — начале XX века Барнаул являлся одним из самых культурных городов Сибири. В госархиве хранятся воспоминания двух известных общественно-культурных деятелей, проживавших на территории края в первой половине XX века: Адриана Митрофановича Топорова⁴ и Афанасия Степановича Анохина⁵. Их мемуарные записки интересны достоверным описанием событий, вниманием к мельчайшим деталям — всем тем, что не встречается в официальной и научной литературе.

«ТЕАТР Я ПОСЕЩАЛ ЕЖЕДНЕВНО»

Адриан Митрофанович Топоров проживал в Барнауле в 1912–1915 годы. Он активно посещал все культурные мероприятия.

Он пишет, что в 1912 году в городе действовали три театра: профессиональный (летний и зимний) Народного дома, Общественного собрания и Управления Алтайского округа. «Первый — был общедоступный, второй — преимущественно купеческий, третий — чиновничий. В Народном доме играла сильная труппа антрепренера и артиста Батманова. В Общественном собрании подвизался с самодеятельным кружком бывший артист, затем любитель С.И. Новоселов, который готовил прекрасные спектакли, не уступавшие по мастерству постановкам в Народном доме.

Но на летней сцене Общественного собрания (на углу Томской и Соборного переулков) нередко «артисты» — проходимы угощали жадных до «клубнички» импотентных купцов, купчих да отставных военных порнографическими фарсами.

Только на этой сцене в Барнауле выступали и лилипутские труппы.

² ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 382а. Л. 125.

³ ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2002. Л. 26.

⁴ А.М. Топоров. «Я — из Стойла». Глава 18. «В Барнауле». ГААК. Ф.Р-1142. Оп. 3. Д. 37.

⁵ А.С. Анохин. «Страничка Бийска музыкального». ГААК. Ф.Р-1547. Оп. 1. Д. 1.

В театре Управления Алтайского округа играли исключительно высшие чиновники-аристократы. Здесь изредка устраивали и детские спектакли. Ставили даже детские оперы, в которых начали свою карьеру замечательные певцы Шура Ракина и Роза Альперт. Вторая из них затем училась в Петербургской консерватории и стала оперной артисткой.

В театре Общественного собрания выдвинулся из рабочей среды лирический тенор Власов. На средства, собранные купцами-меценатами, он учился в Московской консерватории. Приезжая на каникулы, Власов давал концерты, сбор с которых поступал в его пользу. Дальнейшая судьба его мне не известна...

Театр — школа всестороннего просвещения и художественного воспитания общества. Эту сложную, благородную и почетную миссию превосходно выполняла многолюдная труппа Батманова. В ней были первоклассные артисты: героиня Маргер-Мирецкая, герой-любовник Сергеев, трагик Вартминский, комик Картанов, инженер-комик Перовская, простак Белостоцкий, неврастеник Волин, резонеры Самарин, Лельский и многие другие. Этой труппе были под силу все виды драматических произведений. Она ставила и оперетты. Богатейший репертуар ее составляли преимущественно пьесы высокодейственные, разнообразные по форме, захватывающие по содержанию.

Перечислю только те из них, которые запомнились на всю жизнь: «Эдип — Царь» Софокла, «Гамлет», «Король Лир», «Отелло» Шекспира, «Уриель Акоста» Гуцкова, все драмы и водевили Чехова, «Борис Годунов» Пушкина, «Ревизор», «Женитьба» Гоголя, «Горе от ума» Грибоедова, «Власть тьмы», «Плоды просвещения», «Живой труп» Л.Н. Толстого, «Царь Фёдор Иоаннович» А.К. Толстого, «Господа Головлёвы» Щедрина, «Свадьба Кречинского» Сухово-Кобылина, «Мещане», «На дне» Горького, «Потонувший колокол» Гауптмана, «Привидения», «Кукольный дом» Ибсена, «Соколы и вороны» Южина-Сумбатова, «Осенние скрипки» И. Сургучёва, «Савва», «Дни нашей жизни» Л. Андреева, «Гроза», «Лес», «Свои люди — сочтемся», «Волки и овцы» и многие другие пьесы А.Н. Островского, «Тартюф», «Пурсоньяк»

Адриан Митрофанович Топоров, педагог, публицист, писатель. 1960. ГААК. Фотодокументы. Оп. 1. Д. 13089. Фотопозитив, копия

В.К. Штильке в роли мельника из спектакля «Девичий переполох».
Конец XIX в. ГААК. Ф.Р-1382. Оп. 1. Д. 245. Л. 2. Фотопозитив, копия

Маргарита Дмитриевна Агреева-Славянская, актриса, певица,
руководитель хора «Славянская капелла». Начало XX в.
Интернет-ресурс

Мольера, «Белая ворона» Чирикова, «Трильби» Г. Ге, «Русская свадьба» П. Сухонина, «Кручина» Шпажинского, «Идиот», «Братья Карамазовы» Достоевского, «Горькая судьбина», «Бывшие соколы», «Ипохондрик» Писемского и проч.<...>

Театр Народного дома я посещал ежедневно, а в праздники — утренние и вечерние постановки. <...>

Спектакли в Барнаульском Народном доме шли неизменно с полным сбором. Я не могу припомнить дня, когда бы зрительный зал театра не был перенабит. Так любили барнаульцы сценическое искусство!

В августе 1912 года в Барнаул приехала всемирно известная хоровая капелла русской и славянской песни Маргариты Дмитриевны Агреевой-Славянской. Концерты капеллы вызывали фурор. Пребыванием ее в городе ловко воспользовался Батманов: он поставил спектакль по исторической пьесе П.П. Сухонина «Русская свадьба», в которой между прочим изображается обряд боярской свадьбы. Все акты пышного произведения Сухонина были перевиты русскими народными песнями. В эпизодах с участием жениха пели тенора и басы капеллы, в сценах у невесты — сопрано и альты. Более волшебного пения нельзя и представить! Что ни номер, то диво из див!

А роль невесты исполняла сама Маргарита Дмитриевна. В жизни статная, круглолицая, румяная — она была идеальной боярышней на сцене, точно вот-вот сошла с картины Маковского! Головной убор невесты рассыпал лучи не бутафорских, а натуральных бриллиантов! А когда по ходу действия Маргарита Дмитриевна спела проникновеннейшую:

Матушка, голубушка,
Солнышко мое!
Пожалей, родимая,
Дитятко свое! —

то неистовство в зале прервало действие на несколько минут.

Спектакль «Русская свадьба» на сцене Барнаульского Народного дома был воистину незабываемым событием. <...>

С шумным успехом батмановцы ставили и пьесу Леонида Андреева «Дни нашей жизни». Песни «Быстры, как волны, все дни нашей жизни» горланили в Барнауле повсюду. <...>

Третьей незабываемой постановкой труппы Батманова была трагедия «Эдип — Царь» Софокла. Желая возможно ярче и полнее воссоздать стиль и дух древнеэллинического театра, Батманов осуществил эту постановку в городском цирке. Она получилась необычно величественной...

Живо помню и четвертый спектакль в Барнаульском Народном доме, так как он возбудил во мне раздумья по вопросам сценического искусства.

Случилось так, что по окончании театрального сезона 1913 года артисты труппы Батманова разъехались во все концы страны для заключения новых контрактов. Только комик Картанов все до копейки пропил, и ему с женой, инженеру Перовской, не на что было выбраться из Барнаула. Дело их — труба! Пришли супруги-горемыки к Леониду Петровичу Ешину⁶ за советом. И решили поставить «Дядю Ваню» Чехова. Объявили: сбор в пользу любимца публики Картанова.

⁶ Леонид Петрович Ешин — политический ссыльный, народовец, оказавший огромное влияние на формирование мировоззрения А.М. Топорова, жившего в семье Ешиных.

Дядю Ваню взялся играть сам Картанов, роль профессора Серебрякова поручили Леониду Петровичу, Перовскую, как она не отбрыкивалась, вынудили изображать Сою. Прочие роли распределили по любителям.

Начались репетиции. Перовская, всегда игравшая наивных, игривых и лукавых девушек, маялась под тяжестью не подходящей для нее лирико-драматической роли Сони. Она умоляла мужа заменить ее. Но кем?! Муж был непреклонен: нужны деньги до зарезу!

Готовили пьесу долго. На каждую репетицию Перовская отправлялась, как на костер.

Настал спектакль. С каждым новым актом впечатление от него росло и росло... Идет последняя сцена. Соня плачет «правдишними» слезами. Зал замер... Послышались подавленные всхлипывания и сморкания в платок...

Упал занавес. И через минуту молчания грянули аплодисменты, какие редко-редко слышались в театре Народного дома. Кричали: «Перовскую! Перовскую! Перовскую!»

После актриса говорила: «Я плакала по-настоящему. Думала: наконец-то отмучилась! Чуждая мне роль истерзала меня, вымотала все нервы!»

Да, так было. Перовская плакала неподдельно, и это потрясло зрителей, которые не знали истинной причины слез актрисы, но они видели и чувствовали их «правду».

Много лет спустя, я смотрел «Дядю Ваню» в театрах Новосибирска, Свердловска, Одессы и других крупных городов. Видел эту пьесу и во МХАТе. Но Сони, подобной Соне-Перовской, нигде не встречал!

Видно никакие ультраакадемические, искусственные приемы игры, пусть даже по системе Станиславского, не заменят правды жизни. Я смотрел многие спектакли МХАТа. В них каждая деталь характерна, все предельно отшлифовано, все математически рассчитано. Но при всем том ясно чувствовалась точная, холодноватая, машинная работа. Думаю, это оттого, что гениальный артист не может искренне переживать те или иные чувства, играя данную роль 300, 400, 500 и более раз! «Механизация» роли при этом условии неизбежна...»⁷.

БЛАГОДАРНЫЙ БЕЗРОПОТНЫЙ ЗРИТЕЛЬ

Еще в одном сибирском городе — Бийске, существовала довольно насыщенная театральная жизнь. Воспоминания замечательного музыканта, композитора Афанасия Степановича Анохина знакомят посетителей выставки с атмосферой, царящей в театральной жизни Бийска.

Он пишет: «В 1920–1921 годах в Бийске существовали одновременно с хором и на тех же государственных началах небольшая группа певцов-солистов, симфонический ансамбль и драматическая труппа. Их базой был городской театр (Народный дом).

Такое счастливое наличие в городе музыкальных и театральных сил объяснялось приливом в Сибирь людей из центральных областей страны, бежавших от гражданской войны и голода. Живя в Бийске, было легче прокормиться, а гражданская война в крае затухала в Горном Алтае, у границ Монголии.

Драматическая труппа городского театра была немногочисленной, но качественно ровной, довольно опытной и укомплектованной по амплуа. Руководил ею режиссер и актер — Горденин Владимир Владимирович, упоминавшийся в театральных рецензиях тридцатых годов. Помнится, под его авторитетным началом ставились «Бесприданница», «Лес», «Без вины виноватые» Островского; «Женитьба» Гоголя; «На дне»,

⁷ ГААК. Ф.Р-1142. Оп. 3. Д. 37. Л. 19–27.

«Старик» М. Горького; «Дни нашей жизни» и «Царь-голод» Л. Андреева; «Дети Ванюшина» Найденова; «Идиот» Достоевского; «Чужой ребенок» Шкваркина; «Гамлет» Шекспира.

Из актеров сохранились в памяти, к сожалению, лишь три фамилии: Ралич (она), Ванин, Афанасьев.

В одном театральном сезоне гастролировала украинская музыкально-драматическая труппа, показавшая «Запорожца за Дунаем» Гулак-Артемовского; «Наталку-Полтавку» Лысенко.

На протяжении двух театральных сезонов я не пропустил ни одного концерта, ни одной драматической постановки. Этому способствовали не только мое влечение, но и сама служба.

Афанасий Степанович Анохин, музыкант, композитор.
[1970-е] ГААК. Ф.Р-1547. Оп. 1. Д. 8. Л. 1

Особенностью того времени в Бийске были очень частые митинги и судебные процессы над белогвардейцами. Происходили они в городском театре, начинались в четыре-пять часов дня, а завершались грандиозной художественной программой: сначала шла драматическая пьеса, потом выступали один-два солиста-певца, их сменяли хор и симфонический ансамбль. Как публика выдерживала такую нагрузку — диву подобно! Ведь она просиживала в холодном помещении в шубах и шапках по 7–8 часов, но все поглощала жадно. Такого благодарного безропотного зрителя и слушателя я не встречал и не встречаю.

Случалось, с 11 часов вечера в городе объявлялся комендантский час, а люди в 12 часов ночи расходились из театра по домам, рискуя быть остановленными военным патрулем»⁸.

В жизни алтайского театра были взлеты и падения, оглушительные успехи и неудачи, но театральная деятельность не останавливалась ни на минуту. Даже в трагические для страны годы Великой Отечественной войны, сложные 1990-е шли репетиции, ставились новые пьесы. Мемуары, написанные интересным доступным языком, в полной мере отражают, наполняя новыми красками, театральные настроения общества в разные исторические периоды. ■

⁸ ГААК. Ф.Р-1547. Оп. 1. Д. 1. Л. 112–119.

Здание, которому уже больше ста лет, стоит крепко, потому что еще в 1980-е ему посчастливилось обрести хозяина

Дом Топорова–Афонина

текст **Елена Клишина**

В начале нашего разговора я говорила: «дом Топорова». «Когда вы купили дом Топорова?» «Как вы узнали, что это дом Топорова?» В конце разговора поймала себя на мысли: какой же это дом Топорова, теперь это дом Игоря Афонина. Адриан Топоров прожил в нем всего три года, а Афонин — уже все тридцать три, в нем вся его жизнь, родовое гнездо.

Скромная история Игоря Афонина особенно впечатляет на фоне всех этих барнаульских потерь и утрат: вырубили парк БМК, сносят дом купца Михайлова, уже снесен корпус маслостойного завода, не ясна судьба «Спички» и многих других объектов индустриального наследия.

КТО

Игорь Анатольевич Афонин, барнаульский предприниматель, руководитель компании «Аксид-А». Человек, в общем-то, в силу своей основной деятельности, далекий от истории, искусства, истории образования. Его бизнес начался в конце 1980-х, когда Афонин создал кооператив по изготовлению сетки-рабицы. Продукция оказалась настолько востребованной, что было достаточно подать одно объявление в «Алтайскую правду», чтобы валом пошли покупатели. В настоящее время компания производит транспортную сетку для предприятий пищевой промышленности: на ней выпекают печенье и глазируют конфеты.

Цех находится прямо во дворе «дома Топорова» — для него построили отдельное здание. Между цехом и домом — пруд с беседкой. Устраивать его, наверное, не было никакой необходимости. Но так

исторически сложилось, что «дом Топорова» буквально стоял на воде. К Игорю Афонину, когда он строился, во двор часто заходили люди, которые раньше жили в этих местах. Они рассказывали: об озере («...рядом было озеро, на котором стирали»), о соседях («...тут рядом жил купец какой-то, у него был иноходец и сад», «...здесь конюшня стояла, на столбе год был вырезан — 1904»), о местных легендах («...она переночевала в бане, что-то выкопала и ушла»).

«Переночевала в бане» — это про жену первого хозяина дома, управляющего Боброва, которая была арестована, отбыла срок и вернулась на одну ночь. Дело было в 1920 годы, местные жители посчитали, что в бане или рядом у нее было закопано некое сокровище, которое она взяла и ушла. В одной из квартир дома (когда-то его занимали три хозяина) давным-давно находили дореволюционные деньги, вроде как керенки. В общем, дом не без легенд. Зато без привидений. Ольга, дочь Игоря Анатольевича, мама двух ребятшек, говорит, что в доме жить хорошо и комфортно, на свои сто лет дом, особенно изнутри, после всех ремонтов и благоустройств, и не выглядит. Ольга выносит показать куски старой штукатурки, на которых сохранились клочки газетной бумаги. Хранит их, как клад, — газеты датированы 1912 годом.

ГДЕ

Адрес дома — улица Никитина, 145, рядом с Покровским собором. Одноэтажный, краснокирпичный, пять окон на фасаде, выходящем на «красную линию». На углу дома висит мемориальная доска о том, что в нем с 1912 по 1915 год жил

известный алтайский просветитель, «духовный дед» Германа Титова и учитель его родителей Адриан Топоров, один из основателей коммуны «Майское утро», автор единственной в мире книги крестьянской критики «Крестьяне о писателях».

Доска была установлена осенью 2003 года. Инициатором был профессор педагогического университета Павел Костенков, а деньги на ее изготовление предоставил Игорь Афонин, который тогда и узнал, что его дом имеет особенную историю.

Установить адрес дома, в котором жил Адриан Топоров, было, наверное, не сложно. Просветитель в своих книгах сам его и указал: «И ныне стоит на Никитской улице Барнаула домик под номером 145, в котором 57 лет тому назад поселились Ешины и я. Он принадлежал некоему Боброву, управляющему предприятиями купца Федулова. В семью Ешиных стекались самые интеллигентные люди города: литераторы, артисты, адвокаты, композиторы, певцы, политические ссыльные, хормейстеры и дирижеры оркестров, художники, лучшие преподаватели учебных заведений. Эти собрания посещали и либерально настроенная жена заместителя начальника Алтайского округа Мария Николаевна Андреева, и начальница частной женской гимназии Мария Флегонтовна Будкевич, ее муж Эдуард и дочери» (в книге «Я — из Стойла»). Или: «Мы осели в Барнауле. Леонид Петрович устроился на службу в Земельный отдел Алтайского округа кабинетных владений. Евгения Георгиевна хозяйничала. Александра Петровна и Животовский давали частные уроки, Андрюша, Вера и Лиза поступили в гимназию, а я получил место

учителя в соборной церковноприходской школе, в самом центре города. Поселился вместе с Ешиными на Никитерской улице. Домик этот под номером 145 уцелел и поныне. Принадлежал он некоему Боброву, управляющему богатого купца Федулова» (из книги «Я — учитель»).

РАНЫШЕ

Игорь Афонин рассказывает, что к нему однажды приезжал из Москвы внук того самого Боброва. По словам внука, дом начали строить в 1904 году и строили до 1914 года — получается, последние два года работы велись уже при Ешине и Топорове, которым дом, скорее всего, был сдан в аренду. В доме, по рассказам внука, были две печки и восемь комнат.

Управляющий Бобров — личность не столь интересная, как его работодатель Иван Федулов.

Его дед Иннокентий Федулов проделал интересный путь из мясчан в купцы. Его предки оказались в Сибири еще во времена раскола. Сам Иннокентий во второй половине XIX века работал приказчиком у золотопромышленника Щёголева, а после смерти хозяина женился на его вдове. Кроме удачной женитьбы там была еще и подделка завещания, и эта история стала основой романа «Приваловские миллионы» Дмитрия Мамина-Сибиряка. Федулову перешел весь щеголевский бизнес, в том числе мельница в Повалихе. Впрочем, купцом и мукомолом Федулов стал неплохим: его мука брала медали на выставках, продукция была качественной, обороты — большими.

Федуловский бизнес продолжали сын Иван и три внука — Иван,

Пётр и Иннокентий. Пётр Федулов в 1911 году соперничал с водочным магнатом Иваном Платоновым на выборах городского головы и проиграл. Иван был гласным барнаульской думы, после революции управлял реквизированной дедовской мельницей. Сын Ивана Иннокентий (получается, уже правнук самого старшего Федулова) после смерти отца также работал на мельнице, в 1930 году был осужден по статье 58-10. Главное обвинение заключалось в дореволюционном прошлом, в принадлежности к купеческой фамилии. Вместе с ним по делу проходили Маштаков и Голубев. У Маштакова в Харбине жила дочь, с которой он переписывался, и это тоже сыграло роль при обвинении. В итоге Маштаков был приговорен к расстрелу, а Федулов и Голубев — к десяти годам лишения свободы, все трое были реабилитированы в 1989 году.

В 1980-е

Игорь Афонин в 1985 году обменял свою однокомнатную квартиру на старый домишко из чисто практических соображений.

— В 1985-м мне было 26 лет, я купил автомобиль «жигули»-пятерочку, долго копил на него. Надо было покупать гараж, но он стоил огромных денег — тысячу рублей. Машина стоила пять тысяч. Первое время я даже ночевал в машине, а потом решил переехать в частный дом. Тогда можно было обменять жилье только официально: через объявление в газете, и чтобы дом принадлежал государственному предприятию. Этот дом принадлежал вагоноремонтному заводу, от завода в нем жили три семьи. Свою квартиру я отдал ВРЗ,

а мне достался дом целиком. Нам сначала он не понравился — темно, на той стороне дом напротив вроде лучше. Но все же решили взять этот. Здесь были пристройка, небольшой проходной двор — тут я и построил деревянный гараж.

Когда зашли в дом... Кошмар был, конечно. Дом был обложен кирпичом, а все дерево под ним сгнило. Доски пола вроде толстые, но уже просели. Комнаты маленькие, стены все кривые. Ночью крысы дрались под полом, спать было невозможно. Одна крыса сдохла, воняет, пришлось пол разбирать, ее доставать, закапывать. В общем, весело было. Один раз отогрелись, чуть не загорелись. Когда начали дом ремонтировать, то прямо в комнате поставили палатку и в ней жили. У нас уже были двое детей, Ольга и Антон. Ольга, помнишь, как в палатке жили? Она и не помнит уже этого.

Рядом с домом был ручей, все затапливало. Зима началась, вода из-под земли идет и идет, всех затопило. Поначалу думал: вообще зачем я поменял квартиру на дом? Но уже прилип к гаражу, не хотел его оставлять. Дом я буквально весь «перебрал»: ползал под ним, укреплял фундамент, что-то разбирал, кирпичи клал. Сейчас бы уже не полез.

— Но, послушайте, — спрашиваю у Игоря Афонина, — если с самого начала у вас, что называется, пошел бизнес с сеткой-рабицей, то, наверное, было много возможностей: построить новый дом, надстроить второй этаж, придать дому более современный вид, капитально его перестроить. Переехать в другое жилье.

— Переезжать я уже не хотел, — отвечает Игорь Анатольевич. — Весь бизнес уже был здесь, все мои родственники сейчас в нем работают. Цех построил, сейчас буду третий этаж надстраивать. Музей предприятия сделать хочу. Гараж, квартира, машина... — про это уже и думать смешно.

Кстати, буквально в пяти минутах ходьбы от дома Топорова находится здание бывшей Зайчанской школы — теперь это тоже барнаульская «заброшка». Стоит закрытое, становится все более ветхим. Ну, действительно, построил его Василий Штильке на деньги Общества попечения о начальном образовании, делов-то, кому какая разница, где на всех таких Афониных взять. ■

Петропавловский собор на Соборной площади (ныне площадь Свободы) в Барнауле. Фото Сергея Борисова. Из фондов Алтайского государственного краеведческого музея

Тайны кованых оград¹

текст **Данил Дегтярев, Евгений Клепиков**

Тысячи барнаульцев, каждый день проходящих по проспекту Ленина, видят красивый кованый забор у здания городской администрации. Но лишь немногие имеют представление о его возрасте, а его историю знают единицы. А между тем это одна из старейших оград нашего города, памятник ныне почти исчезнувшего ремесла. И в Барнауле она такая не одна.

СОБОР И ЗАБОР

Церковь на Руси традиционно была средоточием всего красивого. Не были исключением и ограды вокруг храмов. Нередко они были коваными, причем создание шедевров доверяли лучшим кузнецам. Не стали исключением и многочисленные барнаульские церкви, построенные в XVIII–XIX веках. Какой была ограда у первого, деревянного, храма Петра и Павла, неизвестно. Зато на фотографиях позапрошлого столетия запечатлен забор вокруг каменного Петропавловского собора на нынешней площади

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00439.

Свободы. Основная его часть была выполнена из кирпича, причем кирпичная кладка поднималась довольно высоко. Но на определенном уровне она прерывалась, вверх тянулись лишь отдельные столбы. А между ними находилась ажурная ковка².

Но в начале прошлого века старую ограду решили заменить на новую. В 1910 годы были обновлены все участки забора, кроме того, что выходил на улицу Петропавловскую (Ползунова). На этом участке из-за перепада высот ограда достигала 3 метров. Это, видимо, усложняло ее замену. Фрагмент старой ограды достоял до 1917-го. После замены забор был полностью из кованых металлических элементов. Одновременно со стороны площади были выстроены двое новых ворот для прохода на храмовый участок. Они располагались с обеих сторон от главного входа в собор, который, кстати, был за пределами ограды³.

²Алтайский государственный краеведческий музей (АГКМ). ОФ 10573/10. Инв. № Ф-12599.

³Барнаул. Набор открыток. — Барнаул: АГКМ, ИД «Ал-тапресс», 2007.

В 1930 годы собор было решено разрушить. Сам храм погиб в 1935-м, примерно в те же годы была демонтирована и его ограда. Писатель Александр Михайлович Родионов в своей «Красной книге ремесел» указывает 1934 год в качестве даты переноса соборной ограды на другое место. Большой ее фрагмент (как раз из числа тех, которые были установлены в начале XX века) был перемещен на проспект Ленина, к зданию горисполкома⁴. Он находится там и теперь. Но очевидно, что это не вся ограда Петропавловского собора. Куда исчезли ее фрагменты при замене старой грады на новую до революции и при полном демонтаже в 1930 годы — неизвестно.

ЧЬЯ ОГРАДА?

Звание «самого старого забора Барнаула» долгое время оспаривала другая ограда. Она охватывала часть квартала между улицей Ползунова, проспектом Ленина, площадью Свободы и улицей Пушкина. Один ее фрагмент находился рядом с кинотеатром «Пионер» на углу Ленина и Пушкинской, он был утрачен в лихие 90-е. Другой до лета 2018 года украшал улицу Ползунова от угла с проспектом Ленина до конца дома под номером 34-а (бывший магазин купца Морозова и Русско-Азиатский банк). При ремонте улицы забор был демонтирован. При внешнем сходстве эти два заборных пролета все-таки несколько отличались друг от друга. Более того, старинный забор вдоль улицы Ползунова состоял из нескольких различающихся между собой элементов. Все это порождает больше вопросов, чем ответов.

Среди краеведов бытует мнение, что вышеописанный забор — это ограда Петропавловского собора. Такой точки зрения придерживается, например, исследователь истории барнаульских храмов священник Георгий Крейдун. Однако данная точка зрения, скорее всего, ошибочна. Анализ дореволюционных фотографий (в частности, снимков Сергея Ивановича Борисова) позволяет с большой вероятностью предполагать, что это совершенно разные ограды.

Александр Родионов излагает в «Красной книге ремесел» другую версию: забор на улицу Пушкина был перенесен от Знаменской церкви, располагающейся на улице Большой Олонской⁵. После закрытия храма и передачи здания под склад его ограду демонтировали и переместили. Но и эта версия разбивается о беспощадную реальность: все те же фотоснимки позволяют внимательно рассмотреть ограду Знаменского храма. И вывод здесь однозначен: это разные заборы.

Но вот, просматривая фотографии Борисова, мы обнаружили на одной из них участок кованого забора вокруг церкви Богородицы Одигитрии, что стояла когда-то на углу проспекта Ленина и улицы Льва Толстого⁶. И вот как раз он — то полностью совпадает с оградой возле бывшего кинотеатра «Пионер». Поэтому мы считаем, что фрагменты дореволюционной ограды на Пушкина и (по всей вероятности) на Ползунова были перенесены туда именно от Богородицкой церкви. Нести, кстати, было очень недалеко — каких-то один-два квартала. Имея в виду различия между коваными заборами у «Пионера» и у магазина Морозова, мы можем предположить, что это могли быть фрагменты с разных сторон от храма.

Когда и почему церковная ограда «переехала» на другое место? Богородицкую церковь снесли в середине 1930 годов. В то время одной из самых могущественных госструктур был НКВД. Его подразделения как раз и занимали квартал по Пушкина и Ползунова между Ленинским и Социалистическим проспектами. Возможно, чекистам понравилась красиваяковка, и они забрали ее для украшения своего «рабочего места». При этом были построены кирпичные столбы между металлическими фрагментами.

В прошлом году, когда исчезла ограда с улицы Ползунова, историки и краеведы сильно заволновались. Оказалось, что кованые элементы забрала себе Алтайская митрополия. Полагая, что это бывший забор соборного храма Петра и Павла, служители культа планируют после восстановления последнего на площади Свободы поместить ограду там. А пока ее намерены отреставрировать. Так или иначе, сейчас простые горожане не имеют возможности осмотреть это произведение искусства прошлого века.

Если фрагменты ограждений Петропавловского собора и Богородице-Одигитриевской церкви сохранились до наших дней, то судьба кованых оград вокруг Знаменской церкви, часовни «Достоинно есть» на Соборной площади и лютеранской кирхи на Московском проспекте неизвестна. Скорее всего, они были утрачены в период массового закрытия церквей.

И напоследок хочется упомянуть про еще одну загадочную старинную ограду. Она находится на Булыгинском кладбище, в его южной части. Небольшой по размеру забор окружает могилу с дореволюционным надгробием. Известно, что кладбище было открыто для захоронения в 1931-м. Однако в тридцатые годы барнаульцы могли переносить туда памятники и ограждения с закрывшихся Нагорного и Садгородского некрополей. С какого из них «переехала» эта оградка, была ли она вокруг того же надгробия, была ли она целой или позже собрана из отдельных фрагментов — пока непонятно. Ясно лишь одно: она является ровесницей двух церковных заборов, о которых шла речь выше. И вместе с ними представляет собой ценнейший артефакт безвозвратно ушедшей исторической эпохи. ■

Ограда Петропавловского собора на проспекте Ленина.
Фото Евгения Клепкиова

⁴Родионов А.М. Красная книга ремесел. — Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1990. С. 128.

⁵Там же. С. 149.

⁶Барнаул на рубеже веков. Набор открыток. — Барнаул: АГКМ, 2000.

20 мая в Государственной филармонии Алтайского края состоялся праздничный концерт — первый в серии юбилейных концертов. В 2019 году наша филармония отмечает свое 75-летие, и специально по этому случаю в Барнаул были приглашены звезды современной оперной сцены Вероника Джигоева (сопрано) и Павел Янковский (баритон)

Уверенно, сочно, страстно

текст **Олег Ковалёв**

На сцене — ведущая концерта Юлия Умнова, скрипачка Татьяна Крячкова, оперный певец Павел Янковский, оперная певица Вероника Джигоева, дирижер Дмитрий Лузин и симфонический оркестр ГФЭК. Фото предоставлено филармонией

Думается, большинство из тех, кто пришел в этот вечер в филармонию, были привлечены именно громкими именами солистов. Вероника Джигоева, получившая всероссийскую известность после триумфальной победы в телеконкурсе «Большая опера» в 2011 году, является приглашенной солисткой Большого театра, нередко выступает также и на сцене

Мариинского театра; Павел Янковский — приглашенный солист Мариинского театра. Можно сказать, что в тот вечер в Барнауле были представлены обе главные исторические оперные площадки России.

Но, конечно, основным участником музыкального праздника был виновник торжества и главный музыкальный коллектив краевой филармонии —

симфонический оркестр под руководством дирижера Дмитрия Лузина.

Известно, что сама идея филармонии как способа организации концертной жизни изначально связана с пропагандой симфонической музыки. Филармония Алтайского края и сейчас пытается выполнять эту важную миссию. Как все-таки здорово, что благодаря нашему оркестру в Барнауле можно вживую услышать симфонии Брамса и Сибелиуса, Чайковского и Прокофьева!

Концерт открылся музыкой русского композитора XIX века Модеста Мусоргского. «Рассвет на Москва-реке» (вступление к опере «Хованщина») — пьеса, хорошо знакомая каждому любителю симфонической музыки. А затем на сцену вышла ведущая вечера и кратко и наглядно представила историю Алтайской филармонии, напомнив, в частности, о выступлениях (их можно назвать историческими для нашего города) знаменитых музыкантов, среди которых Евгений Мравинский, Эмиль Гилельс, Святослав Рихтер, перечислила музыкальные

комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству) в свое время много сделал для филармонии. Для награждения музыкантов на сцену поднялся председатель Алтайского краевого законодательного собрания Александр Романенко.

В этой части программы прозвучало много теплых слов, комплиментов, щедрых похвал, пожеланий в адрес оркестра и музыкантов, напоминаний о высокой миссии исполнительского коллектива. Поздравляя коллектив с юбилеем, министр культуры Алтайского края Елена Безрукова напомнила слушателям о том, как долго — целых 17 лет — длится формирование профессионального музыканта, а значит, именно столько времени требуется артисту, чтобы стать членом симфонического оркестра. Не обошлось в тот вечер и без щедрых подарков: банк «Открытие» подарил оркестрантам и дирижеру новый дирижерский пульт. К чести организаторов концерта следует отметить, что эта, первая и полуофициальная, часть мероприятия не была чрезмерно затянута.

коллективы, работающие в составе филармонии в настоящее время. Исполненный оркестром полонез Петра Чайковского из оперы «Евгений Онегин» — почти неизменный участник подобных праздничных мероприятий. Официальную часть концерта продолжила череда поздравлений. Ведущая зачитала приветствие действующего губернатора Алтайского края Виктора Томенко, а затем — бывшего. Александр Карлин (ныне — заместитель председателя

И вот, наконец, основная часть программы! Несомненно, одним из самых ярких, я бы сказал, вдохновенных моментов концерта стала музыка Иоганнеса Брамса. Молодая скрипачка Татьяна Крячкова, ученица Олега Абрина, преподавателя Алтайского государственного музыкального колледжа, исполнила с оркестром филармонии финал «Концерта для скрипки с оркестром». И пусть прозвучала всего одна часть, интерпретация музыки произвела

Оперные певцы Вероника Джоиева и Павел Янковский. Фото Ларисы Вигандт

на слушателей сильное впечатление. Ликующий, праздничный финал концерта оказался не только как нельзя более кстати (он словно продолжил череду праздничных номеров, открытую полонезом Чайковского). Наш оркестр показал здесь себя с лучшей стороны, продемонстрировав неплохой уровень игры. Конечно, очень многое в таких случаях зависит от солиста, но и оркестранты по-настоящему выложились, заразившись сами и заразив весь зал энергией, радостью, весельем. А игра солистки вызвала настоящий восторг зрительного зала. В ее исполнении музыка звучала уверенно, сочно, страстно — именно так, как того требовала и сама музыка, и повод. Добавим, что это уже далеко не первое выступление 19-летней скрипачки с оркестром Алтайской филармонии. За ее плечами — победа и успешное участие в нескольких конкурсах, концертные выступления с известными музыкальными коллективами.

Да простят мне читатели это небольшое отступление, но обычно, мечтая о хорошем исполнении в нашем городе симфонической музыки, я почему-то в первую очередь думаю о Брамсе. Может быть, дело в присущем его сочинениям уникальном равновесии эмоции и формы. Его музыка как бы максимально соответствует понятию академизма, раскрывая его с наилучшей стороны: в ней одновременно присутствуют эмоциональная свежесть и налет старины, современность и обращенность к традиции, открытая

эмоциональность и плотность мысли, а потому ее, кажется, можно слушать бесконечно.

И в этот вечер классическое, хорошо известное, даже заигранное произведение слушалось с увлечением, как музыка, созданная только сейчас и относящаяся ко всем нам.

Но вот настал черед для приглашенных звезд. На сцену вышел Павел Янковский и исполнил тост князя Орловского из оперетты Иоганна Штрауса «Летучая мышь». С первых же звуков артист очаровал аудиторию. Поразил первоклассный уровень солиста: сила и красота голоса, умение держаться на сцене — свободно и с достоинством. При этом сам тембр голоса — так сказать, типично баритоновый, может быть, не слишком характерный, практически классический — не был оттого менее впечатляющим.

Родившийся в Белоруссии в 1979 году Павел Янковский в 2006 году окончил Санкт-Петербургскую консерваторию, а потом совершенствовал свое искусство у таких мастеров, как Елена Образцова, Владимир Атлантов, Мати Пальм, Нил Шикофф...

В настоящее время Павел Янковский — один из самых успешных оперных певцов России. Многие барнаульцы могли слышать и видеть его на сцене Новосибирского театра оперы и балета (ближайший к нам оперный театр, чаще всего посещаемый нашими любителями оперного искусства), солистом которого он является с 2010 года. Среди наиболее

удачных образов, созданных им на новосибирской сцене, — Роберт в «Иоланте» Петра Чайковского, Валентин в «Фаусте» Шарля Гуно. Кстати, в числе прочих номеров, исполненных в Барнауле, была и ария Роберта из «Иоланты», а также куплеты Эскамильо из «Кармен» Бизе. Партия Эскамильо в свое время была с успехом исполнена им на сцене Мариинского театра.

Но не только классическая музыка звучала в тот вечер на сцене. Почетное место в программе концерта заняли оперетта (уже упоминавшийся Иоганн Штраус, Роберт Планкет, Имре Кальман) и неаполитанская песня. Слушая польку Иоганна Штрауса «Гром и молния», я поневоле вспомнил, что Дмитрий Лузин, прежде чем возглавить наш филармонический оркестр, некоторое время работал в Омском музыкальном театре. Может быть, сказался и этот опыт, во всяком случае полька у музыкантов получилась хорошо, можно сказать, блестяще.

Первым номером в программе концерта, исполненным Вероникой Джисовой, стала песня Агустина Лары «Гранада». Певица сразу поразила артистизмом, мощью, страстностью исполнения.

Родина певицы — столица Южной Осетии город Цхинвал, она окончила училище во Владикавказе, но завершила свое музыкальное образование, как и Павел Янковский, в Санкт-Петербургской консерватории. Среди исполненных ею на сценах разных оперных театров партий — Мими в «Богеме» Джакомо Пуччини, Графиня в «Свадьбе Фигаро» Моцарта, Елизавета в «Дон Карлосе» Джузеппе Верди, Татьяна в «Евгении Онегине» Петра Ильича Чайковского, Микаэла в «Кармен» Жоржа Бизе. Справедливости ради надо сказать, что аккомпанировать такой импульсивной солистке далеко не просто. В работе с приглашенными звездами от оркестрантов и дирижера требуется особое умение чувствовать партнера.

Исполнила певица и арию Лауретты из оперы Джакомо Пуччини «Джанни Скикки» — одну из своих коронных партий. Как известно, оперы Джакомо Пуччини занимают почетное место в репертуаре певицы. И чем дальше, тем теснее было вокалистке в рамках обычного концертного выступления.

Темперамент требовал от нее постоянного движения, игры — голосом, руками, плечами, всем телом. Она не просто пела — ей хотелось через пение непрерывно общаться со зрительным залом, притягивать внимание поклонников, нравиться и завоевывать, дарить, несмотря ни на что, праздник слушателям. И зал отвечал ей любовью, обожанием, овациями после каждого номера.

Особенно хотелось солистам войти в образ, когда они оказывались на сцене вместе. Так, знаменитый дуэт Церлины и Дон-Жуана из оперы «Дон Жуан» Моцарта превратился, несмотря на отсутствие соответствующих костюмов, в небольшую сценку.

Отдельно хочется отметить удачное исполнение оркестром вступления к 3-му действию оперы «Лоэнгрин» Рихарда Вагнера. Я еще не забыл весьма неудачное исполнение этого яркого оркестрового фрагмента оркестром с тем же дирижером в 2013 году и поэтому искренне порадовался новой интерпретации как несомненному достижению: насколько лучше, качественнее эта музыка была сыграна на этот раз. Музыканты продемонстрировали способность создавать по-настоящему роскошное и чистое звучание.

В целом концерт дал возможность оркестру продемонстрировать себя с лучшей стороны. Временами казалось, что музыканты, как бы в ответ на прозвучавшие в их адрес хорошие слова, действительно могут собраться и показать неплохой уровень игры. И в то же время концерт в очередной раз продемонстрировал проблемы, хорошо знакомые музыкантам Барнаула и всем, кто мало-мальски интересуется симфонической музыкой, — вероятно, общие проблемы провинциальных филармоний, но в нашем городе приобретшие особую остроту. Концерт показал и значимость для города такого коллектива, как симфонический оркестр, и необходимость его укрепления, усиления качества. Ведь одними похвалами и комплиментами в адрес оркестра не обойтись, требуются и реальные действия.

«Есть ценностей незбылемая скала/Над скучными ошибками веков», — писал более ста лет назад Осип Мандельштам, одержимый, как известно, тоской по мировой культуре, и на этой лестнице (скала — по-итальянски — лестница) прослушивание симфонии Брамса в хорошем исполнении, находится примерно на одном уровне с посещением Сикстинской капеллы с фресками Микеланджело. И даже если отбросить всю условность и зачастую пустоту высокопарных слов, и сейчас симфоническая музыка — один из важнейших символов высокой культуры. А уровень симфонического оркестра — во многом общий показатель и уровня культуры и — шире — уровня развития областного или краевого центра. ■

Дирижер Дмитрий Лузин.
Фото предоставлено филармонией

Талант, мастерство, а из чего еще складывается успех артистов? В этом поможет разобраться филармоническое закулисье

Лабиринты скрипичного ключа

текст **Надежда Гончарова**

Государственная филармония Алтайского края, которая в нынешнем творческом сезоне отметила свое 75-летие, давно уже стала местом притяжения тех, кто ценит хорошую музыку, любит настоящую хореографию, чтит традиции отечественной и зарубежной классики — академической и народной. Здесь проходят гастролы самых интересных исполнителей, радуют публику своими талантами и смелыми проектами творческие коллективы филармонии. Как правило, придя сюда однажды, человек будет возвращаться вновь и вновь за яркими эмоциями и впечатлениями.

Но сегодня мы хотим пригласить вас, друзья, не в знакомый концертный зал, а за его кулисы. Пройдем не в парадные двери, а с другой стороны, мимо вахтера, воспользовавшись как сотрудники филармонии ключом с чипом. Поднимемся на третий этаж, проходя по второму и мысленно огибая концертный зал, — здесь такие лабиринты, что в пору включать навыки спортивного ориентирования. Но не волнуйтесь, не заблудимся: нас проводит опытный работник ГФАК, механик сцены Аркадий Урлеков.

ДО ЧЕГО ТЕХНИКА ДОШЛА

Аппаратная — это то загадочное помещение с шестью окошками, что находится как раз под балконом. Знакомимся: звукорежиссер Денис Николенко, в филармонии уже десять лет, а до этого наработал опыт в театре драмы. От него и его коллег Александры Ладыгиной и Александра Будревича зависит качество звука и, соответственно, комфорт артистов и публики.

— Это звуковое сердце филармонии, — объясняет Денис Викторович. — Аппаратура современная, техника дорогая, надежная. Звуковой пульт фирмы «Ямаха», микрофоны немецкие. Порой на концерте приходится управлять 30–40 цифровыми микрофонами: это музыканты, вокалисты, фонограммы мелодий. Все микрофоны цифровые. Стараемся, чтобы всем в зале, а здесь 500 мест, было комфортно.

Для того чтобы управлять звуком, одного старания мало, нужны знания, опыт и безупречный слух. А поскольку звук, по мнению Николенко, понятие субъективное, угодить порой сразу всем непросто. Но в филармонии говорят, что к этому цеху претензий не бывает — ни у своих, ни у приезжих, ни у слушателей. А вот благодарностей много, причем звучат они

на разных языках: японском, французском, испанском и прочих — ведь исполнители приезжают со всего света. В месяц приходится озвучивать порой до 100 исполнителей самых разных жанров. Интересно, какие предпочтения в музыке у самого Николенко. Отшучивается:

— Как у каждого звукорежиссера — тишина. Хотя люблю послушать в хорошем исполнении и классику, и рок, и бардов. Если играют хорошо, вкусно, если самому нравится, как озвучиваешь, и зрителю.

За соседним пультом — видеоинженер Дмитрий Волков. Отвечает он за изображение. Зачастую концерты сопровождаются разными фотодокументами, видеозаписями, и всегда — световым оформлением. Поскольку на сцене находится орган и нет возможности установить стационарный экран, то используется цифровой видеопроектор. Аппаратура новейшая, сбоев не дает, управляется пультом фирмы «Панасоник».

— Иногда мы с художником по свету Дмитрием Илларионовым используем так называемый интерьерный свет — светим не только на экран, но и, например, на колонны в зале. Работаем по заданию дирижера, — рассказывает Дмитрий, перед которым стоит два мощных компьютера. Один для трансляции, другой — для записи. С появлением цифровых технологий стало возможным записывать все концерты, транслировать онлайн и хранить тут же, в компьютере. Захотел послушать исполнение оркестром симфонии пятилетней давности или посмотреть новогоднего «Конька-горбунка» — пожалуйста.

Кстати, в соответствии с прогрессом техника здесь постоянно обновляется.

ГРАДУСНИК ДЛЯ РОЯЛЯ

«Репетиторий» — таблички на дверях вызывают уважение и даже трепет. Наталья Дутова, инспектор симфонического оркестра, приглашает заглянуть в эти таинственные комнаты. С виду — ничего особенного: небольшие помещения со шкафчиками, но не простыми, а оборудованными так, чтобы оркестранты в них могли хранить не только свои вещи, но, главное, и музыкальные инструменты. Достоешь из шкафчика — и музицируешь. У каждой группы инструментов отдельный репетиторий. Здесь — фаготы, там скрипки, тут альты.

В аппаратной: Денис Николенко, Александр Бударевич, Дмитрий Илларионов, Александра Ладыгина, Дмитрий Волков.

Фото предоставлено Государственной филармонией Алтайского края

Конечно, не все инструменты можно хранить в шкафу. Некоторые, особенно объемные, например, ударные, «живут» на сцене, в чехле.

Здесь же прислонился бочком к органу рояль фирмы «Стейнвей». Инструмент, благодаря которому в наш регион теперь могут приезжать пианисты мирового класса. Уже побывали Фредди Кемпф, Оливер Пул, Григорий Файн, Ю Косуге, Томона Миядзаки, Борис Березовский, Александр Гиндин. Остались довольны и звезды пианизма, и публика. В нынешний творческий сезон «Стейнвей» отметил десятилетие на сцене ГФАК и пребывает в прекрасной форме, потому что здесь установлен необходимый климат-контроль, который поддерживает температурный режим, необходимую влажность окружающей среды. «Так что, если кто-то начитался в Интернете, что, мол, гремят шикарные инструменты в местных филармониях, то это — не про нас», — заверяет худрук, он же пианист, заслуженный артист РФ Евгений Третьяков.

К слову, в филармонии есть еще два рояля, тоже неплохих, но классом ниже: один на большой сцене, второй — на малой, на третьем этаже, где проходят камерные концерты.

Часть сцены занимает его величество Орган. Не каждый сибирский регион может похвастаться таким музыкальным инструментом. Надо сказать, очень капризным: не терпит пыли, сквозняков, тряски и вибрации, в помещении всегда должна быть определенная влажность и температура. Но все его королевские

амбиции в нашей филармонии удовлетворяются сто-процентно. Установлены парогенераторы и пароувлажнители. В каждом углу сцены — по калориферу. На градуснике температура в норме, волноваться не о чем. Заслуженный деятель искусств России Сергей Будкеев не только играет на органе, но и исправно следит за его самочувствием.

Вообще, на сцене масса всякого оборудования. Как объясняет Аркадий Урлеков, кроме свето- и звукопередающей техники, здесь есть еще механизмы для подъема и спуска декораций, для работы с занавесом. Все это появилось после последнего ремонта филармонии, когда решили давать не только концерты, но и спектакли.

СОКРОВИЩНИЦА НОТ

Здесьняя библиотека совсем не похожа на ту, которую мы привыкли видеть. Нет, стеллажи есть, но их совсем немного, и вместо книг на полках — папки с оркестровыми партитурами. Тысячи нотных записей различных музыкальных произведений, а еще больше их в компьютере библиотекаря Андрея Горина, по совместительству музыканта и концертмейстера группы тромбонистов. Говорят, здесь можно найти если не все, то очень многое для исполнения любых программ. А что по этому поводу думает сам Андрей Анатольевич, который принял библиотеку в 2005 году?

— Да, у нас есть Чайковский, Мусоргский, Рахманинов, Шостакович — практически вся русская классика,

Андрей Горин — библиотекарь и концертмейстер группы тромбон симфонического оркестра. Фото предоставлено Государственной филармонией Алтайского края

в последнее время появилось много партитур зарубежных композиторов. Много из классики можно найти в Интернете, сложнее с произведениями современных авторов. Но сейчас у нас сложилось сообщество библиотекарей оркестров, есть и питерские, и московские, и омские. Приходим друг другу на выручку, обмениваясь материалом. Недавно выложили в сеть всю «Пиковую даму» — шикарное качество. Набрано в нотном редакторе — это же можно любую тональность подобрать для каждого инструмента.

Нотный редактор, поясняет Горин, замечательная компьютерная программа, которая решает многие вопросы. Благодаря ей Андрей Анатольевич сделал уже не одну сотню партитур. Пройдясь по клавиатуре, он демонстрирует, как нотка к нотке рождается новая запись, которая к тому же еще и звучит. Красота: набираешь ноты и тут же слушаешь музыку, услышал что-то не то — поправил ноту.

Рядом с компьютером — современная копировальная техника, так что обеспечить нотами оркестр теперь не проблема. А каких-то лет двадцать назад предшественник Горина распечатывал партитуры рулонами на газетной бумаге и разрезал ножом. Библиотекарь хранит, кроме того, раритетные экземпляры нотных записей, сделанных вручну на обороте старых афиш.

Библиотека формировалась с самого начала создания оркестра. Каждый дирижер добавлял свое. Есть

инструментальные оркестровки Щербакова, Крючкова, Романько, Ермошкина. Подарочное издание партитур с диском от Эдуарда Артемьева сопровождается словами: «Барнаульскому оркестру с благодарностью за прекрасное убедительное исполнение моей музыки и в надежде на новые творческие встречи. От автора сей музыки. 2011 год». Андрей Анатольевич ведет каталог имеющихся произведений и оркестровок, сначала он был бумажным, теперь электронный. Сейчас в нем тысяча пять заполненных граф, но есть и пустые, которые, уверен Горин, скоро будут заполнены названиями новых партитур.

ОГЛЯНИСЬ В ВОЛНЕНИИ

С третьего на второй этаж спускаемся не по главной лестнице, по которой обычно ходят посетители и делают фото на фоне шикарной люстры, а по боковой — как правило, по ней уже после концерта знатоки короткого пути торопятся в гардероб.

Между тем именно здесь, на площадке второго этажа, зачастую незамеченным остается барельеф, установленный в память о работе в этом здании эвакуированного из Москвы в годы Великой Отечественной войны Московского государственного камерного театра. Им руководил легендарный режиссер Александр Таиров, который за полтора года в Барнауле показал не только классические спектакли, но и поставил премьеры: «Русские люди» по пьесе Константина Симонова, «Раскинулось море широко» Всеволода Вишневского, «Пока не остановится сердце» Константина Паустовского. Поэт Вадим Шершеневич, похороненный на Булыгинском кладбище, делал для театра Таирова переводы Шекспира и Бертольда Брехта. Сколько еще всего удивительного можно вспомнить, если остановиться у барельефа, на котором, кстати сказать, изображена муза, друг, супруга Таирова талантливейшая актриса Алиса Коонен.

Наверное, именно с той, военной, поры в этом здании и живет традиция все делать так, чтобы люди уходили с концертов, став духовно богаче и чище.

ГАРДЕРОБЧИК ЧТО НАДО

Левое от входа крыло занимает ансамбль русского танца «Огоньки». Два современных репетиционных зала со станками и зеркалами — очень просторных (как

В костюмерной «Огоньков». Костюм примеряет артистка Регина Ткаченко. Костюмеры Людмила Лагутина и Валентина Родионова.

Фото предоставлено Государственной филармонией Алтайского края

же после них на концертах танцовщикам удастся так лихо отплясывать на сцене, где места явно меньше, и не слететь с нее?). Гремит музыка — оркестр «Огоньков» старается, ребята выделывают потрясающие па, а балетмейстер-репетитор заслуженный артист России Сергей Герасимов жестами показывает, мол, еще круче давай! Ничего — пусть потеют, после занятий можно душ принять и отдохнуть, сегодня в филармонии это не проблема.

В костюмерной «Огоньков» около тысячи костюмов: по 24 на номер. Здесь же обувь, кокошники и прочие атрибуты, два этажа костюмерной забиты под завязку. Хозяйки — Валентина Родионова и Людмила Лагутина. Конечно, знакомые лица. Кажется, совсем недавно они блистали на сцене в самых любимых танцах. Кому, как не им, знать, какими должны быть наряды артистов. Поэтому целыми днями под музыку, доносящуюся из класса, они меняют пуговицы, что-то гладят, подшивают, ушивают или строчат. Нет, сами они костюмы не шьют, это делает специальное ателье, дизайнеры которого приходят на репетиции, знакомятся с номером, выслушивают пожелания артистов, а уж потом предоставляют эскизы на утверждение. И хотя танцовщики все стройны и фигуристы, костюмы для них шьют индивидуально. Из современных, удобных, облегченных тканей.

— Вот сегодня должны приехать с примеркой для нового номера, — раскрывает секрет Валентина Ивановна. И добавляет с гордостью: — У нас замечательные

костюмы, были как-то в Омске на гастролях, там позавидовали, думали, что мы где-то в столице их заказываем. Нет, говорим, так у нас в Барнауле шьют.

За два часа до концерта все необходимые наряды уже в полной готовности — их погладили, почистили, если необходимо, подогнали под фигуру. Без дела мастерицам скучать не приходится. Поскольку уход за концертным гардеробом достойный, служит он годами. Костюмам-старожилам от номера «Зимний вечер» уже лет по 15 будет.

НЮАНСЫ

Интересен интерьерный дизайн на третьем этаже, малый зал отделен от фойе окнами. Это и есть исторические окна, они когда-то выходили на улицу, а после реконструкции здания и появления пристройки остались внутри и стали оригинальным элементом обстановки.

Призраки филармонии, которые, согласно городским легендам, живут в здании со времен обитания здесь Народного дома и Драматического театра, скорее всего, днем отдыхают и потому нам не встретились ни в одном из лабиринтов закулисья.

Что же касается странных звуков, которые возникают ниоткуда в минуты тишины, то, возможно, это заблудившееся и переродившееся эхо музыкальных аккордов.

Впрочем, стоит ли все объяснять, в творчестве всегда должна оставаться загадка. ❏

Михаил Гундарин

Пачка сигарет

1

Ну вот, попал я в 1988 год. Что поразило: яркость красок, объемность изображения. Потому что за 30 лет все в моей памяти повыцвело, стало плоским, вроде старой открытки. Лето. Стою на площади С., куда приходят все автобусы из соседних деревень, озираюсь.

Городок наш и в двухтысячные был неказистым, а в 88-м выглядел еще хуже. «Куда коммунисты только деньги девали», — деланно удивлялись остряки-либералы все 30 лет, когда видели строящиеся (все-таки) жилые дома, банки, а особенно супермаркеты. На заводы и массовую застройку — вот ответ. Но и правда, на площади С. пыльно, асфальт разбит, безобразно разросшиеся кусты закрывают полуразрушенную церковь — то ли склад, то ли бывший ведомственный клуб. «Порубят вас, — мысленно говорю кустам, — лет 20 осталось, не больше». Церковь в мое время восстановили.

Мое! Не очень-то и мое, раз я снова здесь. Там — неопределенность, бедность, одиночество. Ну и начинающаяся старость, конечно. Да ничего страшного, у других хуже, болезни, например, кто-то и не выжил, а все-таки грустно и неприятно. Нет, я то (это) время своим не считал. Ни один год девяностых, нулевых, десятых.

Вот стою в пыли 88-го года. Автобусы из пригородов причаливают, выходят парни в белых рубашках и брюках из смесовой ткани. Некоторые, конечно, в джинсах. Многие в кепках. Каким выгляжу я в китайских кроссовках, китайских же джинсах, то ли вытертых, то ли вываренных. В черной майке с портретом робота Бендера? Может быть, даже и стилизгой, модником. Деревенские идут мимо, смотрят на меня высокомерно (комплексуют). Приехали в город развлечься, к примеру, на дискотеку. Ночью обратно. А, нет, мне же 50 лет, я весь в морщинах, полуседой, тощий, как скелет, отсюда столько презрения у них. Жалок молодящийся. Таков мировой бродячий сюжет. Может, думают, я из новых извращенцев, которых развелось как раз в это время? Нет, не из них.

Но что это я стою? Надо что-то делать.

Я ощущал ломоту, странную, тянущую боль во всем теле. Как будто разламывался на две половинки, сверху вниз. Слева — одна эпоха (старше), справа — другая, моложе. Каждая болезненная часть была словно затянута тонкой полупрозрачной пленочкой, легко поддающейся нажатую пальца. Брр.

Но что мне делать? Предупредить Ельцина и Горбачёва — а стоит ли? И не реально пробиться в Кремль. Про ядерное разоружение и мечтать нечего. Сказать Цюю, чтобы не садился за руль «москвича» в тот роковой день? Но ведь это случится куда позже. А сейчас, не могу сообразить, он уже с Айзеншписом, то есть звезда, и не подступиться, или еще можно запросто? Но это же в Питере, а дотуда не добраться. В наш город первый и последний раз «Кино» приедет только в 90-м, кажется, и сразу на стадион.

И, кстати, денег у меня нет вообще. Даже копейки на газводу. Даже трех копеек на трамвай. Куда пойти? В универ, посмотреть на самого себя? Насмотрюсь еще в будущем.

К друзьям? Золотое же время, все живы и бодры. Ироничный Д., думаю, читает новое издание Набокова (их выходит полно, только успевай покупать, и стоят недорого) с карандашом в руках, оставляя на полях остроумные пометки. Будущий профессор-филолог, ему положено. Жовиальный Б. или с девицей договаривается, или уже пьет пиво (то есть, водку-портвейн-коньяк) на чьей-нибудь «хате». Г. в видеосалоне (появились уже, ведь точно?), например, в ДК канифольной фабрики или Молодежном центре... Ну, с ними не все так просто, но живы же, перенесли и восьмидесятые, и все остальные... И последние полгода тоже.

Правда, что без денег-то делать? Я двинулся в центр.

Михаил Гундарин родился в 1968 году в Дзержинске Горьковской области, на Алтае живет с 1975 года. Окончил факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. Кандидат философских наук, член Союза российских писателей. Автор нескольких книг стихов и прозы.

2

На встречах я глядел с какой-то жалостью (впервые за много лет чувствуя свое превосходство). Наивные, смешные, просто дети, если задуматься. Как там у Блока? Не помню, но что-то в этом роде. Им такое еще предстоит!

Но что я могу сделать для них? И не поверят, конечно, и не изменить ничего.

Даже воспользоваться выгодами попаданца, о которых пишут в популярных тридцать лет тому вперед романах, не получится. Деньги советские копить? Не смешно. Золото покупать? Так оно здесь страшный дефицит, и вдобавок не поймешь, выгодно или нет. Ну, в начале 90-х можно бизнес по компьютерам открыть... а в 88-м что? Вступить в Общество содействия перестройки, чтобы политкарьеру при демократах сделать? Пожалуй, можно — вот точно, это можно — я там самый старый буду, уважать начнут... Через 30 лет мне будет 80, и эти годы пройдут весело, а может, и богато. В общих чертах я все помню, когда какие перемены, смогу колебаться вместе с линией истории. Но с чего начать? Теряюсь.

Уж не говоря, что всю жизнь к такого рода карьере я всегда испытывал презрение. Не поздно ли перестраиваться? О господи, тут еще и слово «перестройка» в новинку!

К родителям бы пойти. Бабушку бы увидеть. Вдруг узнают своего ребенка, как в книжках, вопреки всей логике? Вообще, на них живых посмотреть еще раз, может, хоть издали... Ну, здесь даже кошка еще жива, которая со мной с детства была, на нее тоже глянуть...

Нет, надо как-то глобальнее. Про еду, миллион вкусных намеков, раздающихся отовсюду, я старался не думать. Не отъедаться я сюда прибыл. Хотя есть хотелось чертовски.

Ближе к центру стали попадаться люди, одетые примерно, как я, но с другими прическами. Правда, все меня моложе. Эти поглядывали с неким уважением — мол, батя, не отстаешь от моды, молоток. Может, за иностранца принимали. Хотя тянул я в лучшем случае на поляка или чеха. На прибалта, во.

А может, в КГБ пойти? В секретную какую-нибудь лабораторию? Может, они уже ведут аналогичные работы — с попаданцами? (И что за слово отвратительное, как все мое время, все его герои и чемпионы.)

Однако в лучшем случае запрут от всех. В худшем — в психушку отправят как раз лет на 30, доказываяй потом, что все твои предсказания сбылись. Да пусть не на 30, мне и года хватит, чтобы и впрямь с ума сойти.

Не лучше ли исчезнуть, раствориться в здешнем море людском? Скрыться на какое-то время, уехать в тайгу, или в горы, в Среднюю Азию, забомжевать в конце концов (в эти годы уже можно), а потом все понесется, ускорится, и до меня никому не будет дела. Всего года два-три пересидеть... Укрыться, спастись. Не этого ли я и хотел?

Не об этом ли мечтал — о снятии с меня, настоящего, этого случайного клейма неудач, провалов, всей дурацкой биографии — прожитого времени, одним словом?

Пожалуй, так. Разворачиваюсь в сторону вокзала — и прочь отсюда.

Курить еще хотелось. В том (теперь этом?) времени, помню, была манера запросто просить сигареты у прохожих. Курящих было много. Но на папиросы или так называемые овальные сигареты (без фильтра)

вроде «Луча» или «Примы» я был неспособен. А курили в основном их. Я вообще курить бросил десять лет как.

3

На углу улицы К. и проспекта Л., где потом разместится епархия, а сейчас обшарпанное казенное здание неопределенно синего цвета, стоял невысокий мужичок и курил что-то с фильтром. На нем были синие же нетрущиеся джинсы (дешевка, армянские или «Тверь»), армейский ремень, белые парусиновые тапочки и полосатая рубашка (местная фабрика «Авангард»). На голове — серая кепочка с длинным козырьком и красной надписью «Речфлот».

— Не найдется закурить? — не без труда вспомнил я старинную формулу, кажется, что-то напутав.

— Ага, — сказал мужичок, подавая мне открытую пачку.

Я протянул руку, да так и застыл, раскрыв рот. «Петр I!» Марка, которой в 1988 году не было и быть не могло...

— Да-да, — подтвердил мой — вот уж точно — современник. — Привет, коллега. Стоп-стоп, без глупостей.

А я и не собирался ничего делать, пораженный в самое сердце. Да и куда мне было деваться из прошлого?

Он ухмылялся, откровенно разглядывая меня. Все манеры выдавали в нем человека «из органов». Время и место на этих типов накладывало весьма слабый отпечаток.

— Патруль времени? — мрачно пошутил я.

— Ага, — в том же тоне ответил он. — Типа того. Karma Police. Собирайся. Раз-два...

— Погодите... (Я с ним был на вы! Что за притча!)

— Хотя на ясное небо гляну.

(И правда, вот он, единственный уголок синего, выцветшего, как льняной лоскут, пространства над башенками старинного, так называемого Красного магазина).

— У нас ведь с этим не очень... Солнца не видно. Бункер, ядерная зима, все дела. Урезанный рацион. (Чего я извиняюсь, то ли сам не знает).

— Сбежать хотел? — он продолжал ухмыляться. — Отсидеться? Других виноватыми сделать? Дудки. От кармы, знаешь ли, не убежишь.

Он вытянул над головой руку с зажатой в ней пачкой сигарет и нажал невидимую кнопку в середине российского герба. Мир стал блекнуть.

Я еще успел окинуть взглядом пространство слева направо — сделать панорамный снимок, чтобы унести в свою ледяную пустыню: облупившийся край будущей епархии с малозаметной лепниной; идущие по тротуару две девушки в широких юбках из плащевки с большими карманами и полосатых блузках, на голове — покрытые лаком зачесы; за ними «жигули» новомодной восьмой модели, ярко-красные, дефицит, армяне с рынка, наверное; стена тополей еще в пуху; скамейка, кто-то в старомодной серой шляпе-панаме сидит ко мне спиной; на аллее мамаша с огромной колыской розового дерматина; скамейка, лицом ко мне развалился какой-то пьянчуга с блуждающим взглядом; газон; снова тополя; едущий в другую сторону троллейбус (такие еще без малого 30 лет будут в ходу); памятник некрасивому партизану; потом снова Красный магазин — это все на той стороне проспекта, тот же клочок неба над ним... ну, все.

— Прощайте, — сказал я, сам не зная кому. Себе, наверное. ■

Елена Усынина

Сказ про царя Матвея

Жил когда-то царь Матвей.
 Не найти царя правей!
 Царского величия
 Пруд пруди в наличии.
 Все вокруг его балуют,
 Ноги батюшке целуют.
 Каждый день пред ним без лени
 Преклоняются колени.
 Океан течёт речей:
 «Царь великий, свет очей!»
 Тяжела его забота:
 Встречи, рауты, охота,
 По ночам хмельные кружки,
 Карты, милые подружки.
 Жил с размахом и фасоном
 В радость собственной персоны.
 Так прожив лет сорок пять,
 Повернуть он время вспять
 Захотел — решил жениться
 На молоденькой девице.
 «Я великий царь-надёжа,
 Золотом спит одёжа,
 Сущему всему отец.
 Словом, скачет пусть гонец,
 Да по всем окрестным землям.
 Пусть благоговеют, внемля
 Моему желанию,
 Сердца возгоранию!»
 И со всех земель окрестных
 Множество девиц прелестных
 Приходили на смотрины —
 Просто сердца именины!
 Были здесь и баронессы,
 И простушки, и принцессы,
 Только рот царя кривился,
 Будто ядом отравился.
 Всё не эдак и не так,
 Девы все — ценой пятак!
 То бледна, то полновата,
 То улыбка глуповата,
 То одета не с плеча.
 Царь сердчает сгоряча:
 «Мне нужна такая дева,
 Чтобы с виду королева,
 Чтобы все сказали: «Ах...»
 В это время в тех краях
 Проживала старица,
 Видом не красавица.
 Про неё мы скажем смело:
 Колдовать она умела
 И могла оборотиться
 Человеком или птицей.
 Вот прослышала колдунья,
 Что великий царь в раздумьях,

И не может он решиться,
 С выбором определиться.
 И подумала старушка:
 «Сколько можно жить в избушке?
 Поживу-ка я в палатах!
 Там хоть целый день со злата
 Ананасы вилок ешь!
 Хоть у старика и плешь,
 И лицо его в морщинах,
 Но какой ни есть — мужчина.
 Да и я немолода».
 И колдует: «В никуда
 Уходи-ка всё бывшее,
 Дай мне тело молодое, —
 А потом, задув свечу: —
 Я царицей стать хочу!»
 День настал, и на смотрины
 Входит дева, как картина, —
 Длиннонога и стройна.
 Вот из-за такой война
 Началась когда-то в Трое.
 Краше королевы втрое,
 Белолица, черноока,
 Грудь вздымается высоко,
 Гордый профиль и осанка,
 Бриллиантовой огранки
 Камни-перстни на руках.
 Отовсюду слышно: «Ах...»
 У царя был дружка-шут —
 Обормот и баламут,
 Он в любимцах значился,
 Целый день дурачился.
 Говорлив и беззаботен.
 Тут и говорит он: «Мотя,
 Ты сначала это чудо
 Расспроси — мол, кто, откуда?»
 Царь в ответ: «Она находка!»
 Молодящейся походкой —
 К ней. Берёт под ручки белы,
 Посмотрев в лицо несмело:
 «Опасаясь я спросить...
 Кто изволите вы быть?»
 Дева, приподнявши бровь:
 «С детства голубая кровь, —
 Говорит, — во мне бежит».
 Царь вокруг неё кружит:
 «Это видно, без сомненья,
 И другого нету мненья.
 Я спросил на всякий случай...»
 И подумал: «Гад ползучий,
 Подучил меня с расспросом!
 Мне бы не остаться с носом,
 Ну как дева рассердилась?!»
 Время свадьбы утвердилось,

Елена Усынина
 родилась в 1964 году.
 По образованию врач.
 Пишет сказки в стихах
 для детей и взрослых.
 Живет в Барнауле.

Иллюстрация к сказке Елены Усыниной

Царь готовится к венчанию:
 «Это будет воздаянье
 Мне за ратные труды —
 Жизни райские плоды».
 На него дивится знать.
 Стоит только ей сказать
 (Где же глыба, где скала?),
 Все убрали зеркала:
 «Дверь в потусторонний мир,
 Искажается эфир...»
 Срочно заменили люстры:
 «Свет от них невнятно-тусклый...»
 И ковёр из жёлтых пятен:
 «Этот цвет мне неприятен...»
 Всё бросает ей под ноги!
 Сразу выросли налоги
 И по швам трещит казна
 словно кошелёк без дна.
 Ропщут старики-бояре:
 «Отче, быть кровавой сваре!»
 Только царь-отец влюблён,
 Будто солнцем ослеплён.
 Ведьма за свои труды
 Ела сочные плоды.
 Жизнь, как книжицу, листая,
 Одевалась в горностаи.
 Веселилась от души
 И купалась в роскоши.
 Только вот жених постыл,
 Хоть чуть-чуть бы поостыл!

«Надо подыграть царю,
 После свадьбы — уморю».
 Ну а в это время шут —
 Шельма, шарлатан и плут —
 Прятался на чердаке.
 На соломе, в бардаке,
 Он лежит немывт, всклокочен,
 Видеть царь его не хочет,
 У него болван в опале.
 Думает: «Старик в запале,
 Как мальчишка, куролесит,
 Но девица просто бесит!
 Гнёздышко себе свила,
 Убирает зеркала...
 Чую, что-то здесь не так...
 Это дело — не пустяк».
 Всем известно — в изразцах
 Уши есть у стен дворца
 И, проделанные впредь, —
 Глазки, чтобы подсмотреть.
 Стал следить за девой шут,
 Негодяй, нахал и плут.
 И увидел он такое!
 Находясь в своих покоях,
 Дева резко повернулась,
 И ... старухой обернулась!
 Ох, страшна, как смертный грех!
 Ну а плут — бегом наверх,
 Вмиг залез на свой чердак,
 Отдышавшись, мыслил так:

«Думай, думай, голова...
 Знаю, что моим словам
 Царь значенья не придаст
 Да ещё по шее даст.
 А не будет он остужен,
 Станет старой ведьме мужем».
 А потом — вон из дворца,
 Как исчез с земли лица.
 Раз проснулся царь Матвей,
 На доклад спешит лакей:
 «Ваша светлость, иноземец,
 Итальянец или немец,
 С раннего утра хлопочет,
 Вашу милость видеть хочет.
 Что же с иноземца взять...»
 Царь-отец велит: «Принять!»
 И девица встала рядом,
 Чудака окинув взглядом:
 Весь заросший бородой,
 Но, похоже, молодой,
 В необъятный плащ одетый,
 Волос длинный под беретом,
 За спиной походный ранец.
 Сразу видно — иностранец.
 В шарф закутавшись, лопочет,
 Что нарисовать их хочет:
 «Слух о красота невеста
 Разлетелось повсеместно.
 Мой художник. Вас, о други,
 Предлагаю мочь услуги.
 Вот для разных ситуаций
 Много мой рекомендаций
 От царёв и королев...»
 И продолжил нараспев:
 «Напишу вам в лучшем виде,
 Вас не будете в обиде.
 Мой позировать не надо,
 Мой хватило просто взгляда,
 Я запомнить ваши лица —
 И царя, и молодика».
 Царь целует девицу руку:
 «И минутную разлуку
 Я не в силах превозмочь.
 Буду я и день, и ночь
 Любоваться на портрет.

Ты согласна или нет?»
 А в ответ: «Ну что же, Мотя,
 Пусть рисует, я не против...»
 День проходит, два и три,
 А художник: «Нет смотрок!
 Мой работать, цвет не ярко,
 Это к свадьба вас подарок».
 И малюет день-деньской,
 Заперевшись в мастерской.
 Вот и свадьбы день отрадней,
 Царь надел костюм парадный —
 Юноша, ни дать ни взять.
 До мечты рукой подать:
 «Вот уж близко счастье наше...»
 А невеста — нету краше —
 В белых, будто снег, шелках,
 Словно лебедь в облаках.
 Под руку взяла царя:
 «Как всё мило...», — говоря.
 Тут художник (где акцент?)
 Говорит: «Один момент,
 Ваш уже готов портрет.
 Ну-ка, слуги, дайте свет!
 Подойдите, встаньте ближе,
 Вы готовы, как я вижу».
 Слуги распахнули шторы
 И на автора все взоры.
 Он с картины ткань срывает...
 Зеркало... Так не бывает —
 Там, в зеркальном отраженьи,
 Не придумать выраженья,
 Не девица — образина!!!
 На секунду рот разинув,
 Царь кричит: «Да что такое,
 Это зеркало кривое!»
 Ведьма ж, прошептав заклятье,
 Вон — из свадебного платья.
 Стала чёрною вороной!
 Ловко уронив корону
 Взмахом сильного крыла
 С благородного чела,
 Лиходейская напасть
 Быстро за окошко шасть,
 На прощанье крикнув: «Кар-р-р!»
 Тут царя хватил удар...
 А художник — вот так плут —
 Снял наряды... это шут!
 И кричит царёвой свите:
 «Срочно лекаря зовите!»
 После этого колдунья
 Долго не была в раздумьях,
 Так и улетела птицей.
 Трудно в хатку возвратиться
 Из царёвых-то палат
 Да надеть рваньё-халат,
 Потерпев полнейший крах.
 Ведьму больше в тех краях
 Никогда никто не видел.
 Царь недолго был в обиде.
 Он, когда восстановился,
 К Богу с верой обратился
 И не думает жениться.
 Попивает чай с душицей,
 Рассуждает о душе,
 Спит и нюхает саше.
 А делами правит шут —
 Дуралей, нахал и плут. ■

Николай Поздняков. Омская область. **Альпийские луга**. 2019.
Бумага, пастель. 124x135. Лауреат в номинации «Уникальная графика».
Диплом ВТОО СХР

стр. 03

Конкурсные выставки «Аз. Арта», пусть и кажутся на первый взгляд пестрыми и разнообразными, позволяют увидеть общие тенденции в молодежном искусстве Сибири.

Лидия Рыжова

